РУССКІЙ АРХИВЪ

МАТЕРИАЛЫ КЪ БИОГРАФІИ А. И. ПОЛЕЖАЕВА



Рябининъ Д. Д.
«Александръ Полежаевъ (1807 1838) : Біографическій очеркъ» 1881 часть 1 (2).

Бибикова-Раевская Е. И.
«Встрѣча съ Полежаевымъ» 1882 часть 6.

П. К. Н.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

I

(2)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

АЛЕКСАНДРЪ ПОЛЕЖАЕВЪ.

(1807—1838)

Біографическій очеркъ.

...Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностію страстей, которая, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти.... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ, и состраданіе. Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинить въ своей гибели.

Бѣлинскій.

Міръ Русскаго барства выпустилъ въ свѣтъ горячаго юношу съ сильнымъ поэтическимъ талантомъ, который могъ развиться только подъ условіемъ—забыть, отвергнуть среду, откуда онъ вышелъ; но съ дѣтства усвоенная привычка необузданности не допустила могучій талантъ до отрицанія этой среды въ жизни, а слѣдовательно—и въ поэзіи. Рѣдко на комъ обстоятельства жизни такъ ярко отразились какъ на личности и сочиненіяхъ Полежаева. Уродливая поэма, за которую онъ попалъ въ солдаты, бросаетъ полный свѣтъ на его существованіе и вмѣстѣ указываетъ на раздвоенность нашего высшаго сословія: на образованное меньшинство и закоснѣлое помѣщичество... Первая среда выростила Пушкина, вторая—Полежаева.

Огаревъ.

Между поэтами Пушкинской школы, когда-то, непослѣднее мѣсто занимало имя Полежаева, теперь полузабытое, памятное развѣ немногимъ уцѣлѣвшимъ современникамъ той эпохи, или присяжнымъ любителямъ исторіи нашей словесности. Было время, когда его стихотворенія, носившія на себѣ печать несомнѣннаго природнаго дарованія, внимательно читались, списывались и нѣкоторыя даже распѣвались подъ «звукъ унылый фортепьяно», либо гитары, нарочно положенныя на му-

зыку [1]). Впрочемъ, въ этомъ вниманіи къ Полежаеву большинства публики, уже достаточно избалованной Пушкинскими произведеніями, сказывалась не столько сознательная оцѣнка достоинства его стиховъ, сколько участіе къ печальной долѣ автора ихъ, огласившейся по всей грамотной Россіи. Его личностью были нѣкогда романически заинтересованы молодые читатели обоего пола, какъ немного позже другою еще личностью, болѣе яркою въ первое десятилѣтіе Николаевскаго времени— Бестужева-Марлинскаго.

Но все это прошло, да быльемъ поросло.... Со дня смерти того злополучнаго неудачника, о комъ мы ведемъ рѣчь, протекло уже сорокъ три года, и въ этотъ долгій промежутокъ времени, заявившій себя цѣлымъ рядомъ знаменательныхъ событій въ жизни Русскаго общества, новыхъ явленій, новыхъ вѣяній и потребностей, естественно изгладилась память объ личности и литературной дѣятельности человѣка, который, въ неравной борьбѣ съ своимъ суровымъ жребіемъ, не успѣлъ упрочить себѣ болѣе твердыхъ правъ на посмертную извѣстность и сочувствіе потомства. Да и то надо сказать: мы слишкомъ поглощены «злобою дня», слишкомъ озабочены его треволненіями, чтобы удѣлять много вниманія тому, что̀ осталось далеко позади насъ. Въ нашъ забывчивый и суетливый вѣкъ ничто долго не помнится: намъ стало недосужно беречь преданія даже о многомъ такомъ, что̀ завѣтнѣе и дороже имени какого-нибудь второстепеннаго поэта-несчастливца, въ родѣ Полежаева, и мудрено ли было затеряться ему, этому скромному имени, если и славная память Пушкина обновилась для нынѣшняго молодаго поколѣнія только недавнимъ празднествомъ по поводу поставленнаго въ Москвѣ изваянія?

Но исторія имѣетъ надъ нами свои вѣчныя права, для удовлетворенія которыхъ мы обязаны хранить наслѣдіе времени, еще не совсѣмъ для насъ исчезнувшаго въ своихъ слѣдахъ. Наша цѣль пролить болѣе свѣта на темную исторію одной изъ жертвъ своего времени, одного изъ тѣхъ, не довершившихъ себя дѣятелей Русской литературы, которые, по роковому стеченію обстоятельствъ, почти въ самомъ началѣ своего поприща уносились съ него въ пропасть погибели, а оттуда— на дно могилы. Такова, напримѣръ, была участь князя А. И. Одоевскаго, братьевъ Бестужевыхъ, Кюхельбекера, Корниловича, Владимира Соколовскаго [2]). Къ группѣ подобныхъ жертвъ судьбы принадлежитъ

---

[1]) Напр.. романсы: „Зачѣмъ задумчивыхъ очей“, „Призваніе“, „Архалукъ“; пѣсни: „У меня-ль молодца“, „Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти“ и н. др.

[2]) Автора поэмы „Міозданіе“, впервыя изданной въ 1837 году. Онъ былъ сосланъ въ Вологду и впослѣдствіи спился съ кругу...

Полежаевъ, если не по товариществу стремленій, какія сгубили большинство этихъ людей, то по братству страданій, съ избыткомъ искупившихъ грѣхи и увлеченія бурной его юности. По крайней мѣрѣ, во имя этой суровой эпитиміи онъ имѣетъ полное право на сочувственное воспоминаніе, посвящаемое его скорбной тѣни.

*

Въ біографіи Полежаева мы на первомъ-же шагу встрѣчаемся съ неопредѣленными и сбивчивыми свѣдѣніями. Даже при обозначеніи полнаго его имени представляются противорѣчія. Такъ, напримѣръ, по «Настольному Словарю» Толля, «Русскому энциклопед. словарю» Березина и «Библіографич. указателю Русской и всеобщ. словесности» Межова (Спб. 1872), Полежаевъ названъ Александромъ *Петровичемъ*, а время его рожденія отнесено къ 1810-му году; у г. Гербеля, въ «Біографической христоматіи Русскихъ поэтовъ», онъ поименованъ Александромъ *Ивановичемъ*, а рожденіе его отнесено къ 1807-му году. Это послѣднее хронологическое указаніе должно быть вѣрнѣе; потому что катастрофа, постигшая Полежаева во время его студенчества, въ 1826-мъ году, — т. е. отдача въ солдаты, — на врядъ-ли могла послѣдовать тогда, какъ ему было только 16 лѣтъ отъ-роду, и очевидно, что она случилась уже на 20-мъ году его жизни. Въ указаніи *мѣста* его рожденія и семейной обстановки, у г. Гербеля допущена неточность тамъ, гдѣ онъ *положительно* высказываетъ, что будто бы Полежаевъ «родился въ *Петербургѣ*, въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ». Вѣроятно, ошибочное предположеніе о томъ, что онъ былъ Петербургскій уроженецъ, выведено изъ заключительныхъ строкъ стихотворенія его «Къ морю»:

„Въ другое время, на *брегахъ*
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ....“

Но мы имѣемъ основаніе думать, что тутъ Прибалтійскіе берега названы родиной поэта не въ прямомъ, а въ фигуральномъ смыслѣ, такъ какъ онъ, будучи ребенкомъ и юношей, часто и по̀-долгу живалъ въ Петербургѣ, у своего дяди, а слѣдовательно привыкъ считать Петербургъ какъ-бы роднымъ городомъ. Что касается вопроса объ истинной его родинѣ, то онъ же самъ категорически отвѣчаетъ на это въ своей неизданной поэмѣ «Сашка»,—той, что̀ впослѣдствіи явилась основною причиною всѣхъ его бѣдъ и послужитъ для насъ главнѣйшимъ

автобіографическимъ матеріаломъ для исторіи его дѣтства, юности и воспитанія [3]):

„Быть можетъ, въ *Пензѣ* городишка
Несноснѣе *Саранска* нѣтъ;
Подъ нимъ есть малое селишко,
Гдѣ нашъ герой увидѣлъ свѣтъ".

Это «селишко», какъ гласитъ на одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ поэмы особое примѣчаніе въ выноскѣ подъ приведенными здѣсь стихами, называлось сельцо *Покрышкино*, имѣніе помѣщиковъ Струйскихъ, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи [4]). Оно составляло нѣкогда часть владѣній богатаго барина Екатерининскихъ временъ, Николая Еремѣевича Струйскаго († 1796), извѣстнаго чудака-метромана, печатавшаго свои вирши въ собственной типографіи, въ селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда [5]). Изъ 18-ти человѣкъ его дѣтей обоего пола, *Петръ Николаевичъ* Струйскій имѣлъ побочнаго сына *Александра Полежаева* [6]), получившаго свою фамилію, можетъ быть по крестному отцу; слѣдовательно, прочіе братья Петра Николаевича, и въ томъ числѣ *Юрій Николаевичъ* [7]), игравшій важную роль въ жизни нашего поэта, доводились послѣднему родными дядями.

Каковы были отношенія къ Полежаеву отца его и въ чемъ заключалось первоначальное воспитаніе «сына любви», объ этомъ онъ разсказываетъ самъ въ той же неизданной поэмѣ, съ свойственною ему циническою искренностью:

---

[3]) Что авторъ поэмы-пародіи описывалъ въ ея героѣ именно самого себя, а не подразумѣвалъ кого-либо другаго, это доказывается начальными стихами той же строфы:

„Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ,
Его фамилья—*Полежаевъ*...."

[4]) Названіе этого селенія повторяется и въ слѣдующихъ стихахъ поэмы:

„И у Француза въ пансіонѣ
Шалунъ *Покрышкинскій* сидитъ".

[5]) Подробности объ этомъ курьёзномъ стихоплётѣ см. въ „Руск. Архивѣ" 1865 г., стр. 958—964, и 1866 г., стр. 265.

[6]) Кто была его мать, мы не могли добиться, а самъ онъ нигдѣ и ни однимъ словомъ не намекаетъ на ея личность. Вѣроятно, это была крѣпостная наложница Струйскаго.

[7]) Отецъ литератора тридцатыхъ годовъ, Дмитрія Юрьевича Струйскаго, писавшаго въ стихахъ и прозѣ, иногда подъ псевдонимомъ *Трилуннаго*, а иногда и подъ своимъ настоящимъ именемъ. См. „Стихотворенія Трилуннаго" „Альманахъ на 1830 г." 2 ч. Спб. Есть также его повѣсть въ прозѣ, въ „Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду" 1837 г., и статья въ 1-й книжкѣ „Отечеств. Записокъ" 1839 г.: „О современной музыкѣ и музыкальной критикѣ".

„Не знаю, право, я,—богато
Иль бѣдно жилъ его отецъ,
Но все довольно торовато
И промотался наконецъ.
Но это прочь . . . .
Намъ говорить объ сынѣ должно:
Посмотримъ, вышелъ онъ какимъ.
Какъ быстро съ горъ весенни воды
Въ долины злачныя текутъ,
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ годы
Его ребячества пройдутъ.

*

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ,
И первый Сашенькинъ учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ Французскомъ—Соломонъ,
И что дитя узналъ исправно
Весь сквернословья лексиконъ.
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ „барыню“ игралъ
И что въ рукнѣ, да въ бабкахъ, въ свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ“.

И такъ, изъ этихъ откровенныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ признаній можно судить, что «любящій» родитель выказывалъ свою нѣжность къ незаконнорожденному сынку только беззавѣтныхъ баловствомъ, но не попеченіями о его воспитаніи, попавшемъ въ руки бывалаго, «цивилизованнаго» лакея, который мараковалъ и по-французски настолько, что могъ посвятить бойкаго мальчика, ради своей лакейской потѣхи, въ тайны всякихъ мерзостей на двухъ языкахъ. Понятливый ученикъ скоро изощрился по части грязныхъ пѣсенъ, прибаутокъ и тому подобныхъ пошлостей, изобрѣтенныхъ дикимъ развратомъ. Этотъ образовательный курсъ, начатый въ передней и продолжавшійся въ обычныхъ пріютахъ крѣпостной дворни,—въ людской, на кухнѣ и конюшнѣ,—спозаранку заронилъ въ отроческую впечатлительную душу сѣмена плодовъ, роскошно созрѣвшихъ въ пору юности. Видно, благодушный родитель спохватился, наконецъ, хотя и поздненько:

„Вотъ Сашкѣ десять лѣтъ пробило—
И началъ папенька судить,
Что не весьма-бы худо было
Сынка другому поучить.
Бичь хлопнулъ, тройка быстрыхъ коней
И день и ночь въ Москву летитъ.
И у Француза въ пансіонѣ
Шалунъ Покрышкинскій сидитъ.

Я полагаю, всѣмъ извѣстно,
Что̀ значитъ модный пансіонъ;
И такъ немногимъ будетъ лестно
Узнать, чему учился онъ.
Должно-быть, кой чему учился,
Иль выучилъ хоть на алтынъ,
Коли достойнымъ учинился
Носить студента знатный чинъ....“

Почему именно мѣстомъ ученія «Покрышкинскаго шалуна» была избрана Москва, гдѣ не находилась никого изъ его родни, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ постоянно жилъ его дядя, Юрій Николаевичъ, который могъ бы тамъ всегда имѣть племянника въ виду и надзирать за его поведеніемъ,— это вопросъ для насъ безотвѣтный. Во все время своего пребыванія въ Москвѣ, сперва въ пансіонѣ, а затѣмъ въ университетѣ, пылкій юноша не пользовался ничьимъ ближайшимъ руководствомъ и, на свою бѣду, былъ совершенно предоставленъ самому себѣ... Тѣмъ не менѣе, пансіонское ученье онъ проходилъ не безъ успѣха. Быстрыя способности значительно помогли ему восполнить тѣ изъяны, какіе неизбѣжно оказывались въ программѣ моднаго Французскаго пансіона, о которомъ бывшій его воспитанникъ говоритъ съ явною ироніей. Впрочемъ, время было не особенно требовательно въ этомъ отношеніи, и нельзя думать, чтобы условія пріемнаго экзамена въ университетъ сто̀или Полежаеву большихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что и связи его ментора-Француза (содержателя пансіона) съ университетскимъ начальствомъ могли облегчить ему этотъ шагъ. Какъ бы то ни было, въ Августѣ 1823-го года Полежаевъ вступилъ въ Московскій университетъ, но по какому факультету,—намъ неизвѣстно; знаемъ только, что не по математическому (ибо онъ терпѣть не могъ математики) и не по медицинскому. Съ какимъ же умственнымъ запасомъ явился новый студентъ въ университетскія аудиторіи?

„Не знаю, право, я, природный
Умишко маленькій въ немъ былъ,
Иль пансіонъ учено-модный
Его лозами поселилъ,—
Но лишь учась тому, другому,
Онъ кое-что̀ перенималъ
И, словъ не тратя по пустому,
Кой-въ чемъ довольно успѣвалъ:
Могъ изъясняться по-французски
И по-нѣмецки лепетать,
А что касается по-русски,
То даже риѳмы сталъ кропать

*

„Хоть математикѣ учиться
Охоты вовсе не имѣлъ,
Но поколоться, порубиться
Съ лихимъ гусаромъ не робѣлъ.
Зналъ онъ науки и другія,
Да эти болѣе любилъ...
Ну, вѣдь нельзя-жь, друзья драгіе,
Сказать, чтобъ онъ невѣжда былъ.
Притомъ же, правду-матку молвить,—
Уменъ—не то, чтобы *ученъ*:
Иной куда гораздъ какъ спорить,
Переученъ, а не уменъ!“

Университетъ съ его тогдашними порядками, профессора и личный составъ служителей мало удовлетворяли кипучую и своенравную природу молодаго человѣка, черезчуръ склоннаго къ широкимъ обобщеніямъ отрицательнаго свойства. Говоря о своей *alma mater* и сравнивая старѣйшій изъ Русскихъ университетовъ съ нѣкоторыми заграничными и даже Виленскимъ, тогда еще существовавшимъ [8]), онъ ядовито издѣвается надъ первымъ: намекаетъ на пристрастную раздачу дипломовъ людямъ, ихъ недостойнымъ, но имѣвшимъ за себя ходатаевъ; негодуетъ на всеобщее низкопоклонство предъ начальствомъ, на неравенство отношеній его къ студентамъ, изъ которыхъ были отличаемы иные по богатству или аристократическому происхожденію, и обзываетъ такихъ молодцовъ «пустоголовыми полузнайками», а нѣкоторыхъ профессоровъ—«колокольными звонарями»:

„О родина прямыхъ студентовъ,—
Гёттингенъ, Вильна и Оксфордъ!
У васъ не могутъ брать патентовъ
Глупецъ, алтынникъ или скотъ;
Вертѣться въ шляпѣ трехугольной
И шпагу при бедрѣ имѣть;
У васъ не можетъ колокольный
Звонарь на каѳедрѣ гудѣть;
У васъ не вздумаетъ мальчишка
Шипѣть, надувшись: „я студентъ!“
Вы судите: пусть онъ князишка,
Да въ немъ ума ни капли нѣтъ.“

*

„У васъ студентъ есть мужъ почтенный,
А не паршивецъ, не пошлякъ,
Не полузнайка просвѣщенный
И не съ червонцами дуракъ.

---

[8]) Виленскій университетъ, уставъ котораго былъ утвержденъ 18-го Мая 1803-го года, закрытъ, вслѣдствіе Польскаго мятежа, въ 1832 г.

У васъ таланты въ уваженьи,
А не поклоны въ трехъ верстахъ;
У васъ заслугамъ награжденье,
А не привѣтствіямъ въ сѣняхъ....
Природный умъ вамъ кажетъ путь,
И онъ вамъ честь и чинъ доставитъ
А не *„нельзя-ли-съ какъ нибудь!“*....
Но что? Гдѣ я? Куда сокрылся
Вниманья нашего предметъ?
Ахъ, господа, какъ я забылся!
Я самъ и Русскій, и студентъ....“

Но, бичуя такъ хлёстко своихъ собратьевъ, которые, по ихъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ, роняли званіе студента, Полежаевъ, сознательно или безотчетно, рисуетъ и собственную особу вовсе не свѣтлыми красками... Не смотря на то, что въ приведенныхъ сейчасъ строфахъ проглядываетъ какое-то *отвлеченное* уваженіе къ истиннымъ дарованіямъ и научнымъ трудамъ, къ достоинствамъ и знаніямъ неподдѣльнымъ, онъ самого себя обличаетъ въ такомъ направленіи, съ какимъ немыслимо уважать что̀ бы ни было. Ни дѣтство, ни юность не взлелѣяли въ немъ наклонности вдумываться въ глубь какого-либо предмета, наводящаго пытливый умъ на размышленія и умѣть отличать ту раздѣльную черту, которая для болѣе зоркихъ глазъ разграничиваетъ понятія объ истинномъ и ложномъ. Вообще, слишкомъ мелко плавалъ этотъ даровитый человѣкъ, обреченный превратнымъ воспитаніемъ, вопреки богатымъ природнымъ задаткамъ, на вѣчно-поверхностную дѣятельность мысли, хотя впослѣдствіи страданіе и горе подвысили ее до извѣстной степени.

Университетъ не выработалъ въ немъ серьёзныхъ взглядовъ на трудъ и науку; стало-быть, о пристальныхъ учебныхъ занятіяхъ не было и помину. Студенческое житьё свое Полежаевъ повелъ на тотъже «веселый» ладъ, какъ и многіе другіе его товарищи-гуляки, т. е. постоянно отлынивалъ отъ посѣщенія лекцій, или если изрѣдка и ходилъ на нихъ, то для того, чтобъ подмѣчать наружныя странности профессоровъ, а послѣ осмѣивать ихъ въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ; праздность-же цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ наполнялъ трактирными развлеченіями, при чемъ кутилъ, какъ говорится, «не въ свою голову» и щеголялъ пошлымъ ухарствомъ, рисуясь также религіознымъ вольнодумствомъ и огульнымъ отрицаніемъ всего, что̀ стояло не на уровнѣ его понятій. Избытокъ кипучихъ силъ разбрасывался на дешевую удаль, гдѣ и какъ попало... Это шло за умѣнье наслаждаться жизнію, за настоящій эпикуреизмъ и воспѣвалось такимъ, напримѣръ, образомъ:

...„Ахъ, мигъ волшебный, быстротечный
Волшебныхъ юношескихъ лѣтъ!
Блаженъ, кто радости безпечной
Тебя сорвалъ, какъ вешній цвѣтъ.
Блаженъ, кто слезъ ручей горючій
Рукой Анюты утиралъ,
Блаженъ, кто въ жизни путь колючій
Виномъ отраднымъ поливалъ...
Пусть смотритъ Гераклитъ унылый
Съ улыбкой жалкой на тебя,—
Но ты блаженъ, о другъ мой милый,
Забывъ въ весельи самъ себя!...
Хорошъ философъ былъ Сенека,
Еще умнѣй Платонъ мудрецъ,
Но черезъ два или три вѣка
Они, ей-ей, не образецъ!
И въ нихъ, и въ новыхъ шарлатанахъ
Лишь сборъ нелѣпостей одних;
Да и весь свѣтъ нашъ на обманахъ,
Или духовныхъ, иль мірскихъ...
Но полно! Я заговорился...
Не для того я объ ученыхъ
И мудрыхъ началъ разсуждать,
Что захотѣлось мнѣ объ оныхъ
И о наукахъ толковать.
И такъ, ни слова о наукахъ.
Черты героя моего:
Свобода въ мысляхъ и въ поступкахъ,
Не знать судьею никого:
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей,—
А жаждать вольности строптивой....
(О необузданность страстей!),
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закоренѣлой....
Вотъ все, чему онъ научился;
Свидѣтель—университетъ!
Хотя-бъ Рафаэль самъ трудился,
Не лучше-бъ снялъ его портретъ....
Рожденный пылкимъ отъ природы,
Недолго былъ онъ средь оковъ,
Искалъ онъ буйственной свободы
И, ставъ свободнымъ,—былъ таковъ".

Чтобы дать понятіе о студенческихъ похожденіяхъ «любителя свободы», мы снова, и не разъ, должны будемъ обращаться къ отрывкамъ изъ той-же стихотворной его автобіографіи, отнюдь не отличающейся художественнымъ исполненіемъ, но имѣющей, въ устахъ автора, цѣну самой чистосердечной исповѣди.

„Какъ вихрь иль конь мятежный въ полѣ
Летитъ въ свирѣпости своей,
Такъ въ первый разъ его на волѣ
Узрѣли въ пламени страстей.
Ни вы, театры, маскарады,
Ни дамъ Московскихъ лучшій цвѣтъ,
Ни петиметрскіе наряды
Не были думъ его предметъ.
Нѣтъ, не такихъ мой Сашка правилъ:
Онъ не былъ отъ роду *bon-ton*,
И не туда совсѣмъ направилъ
Полетъ орлиный, быстрый онъ.
Туда, гдѣ шумное веселье
Въ рядахъ неистовыхъ кипитъ,
Отколь всѣ свѣта принужденья
И скромность ложная бѣжитъ;
Туда, гдѣ Бахусъ полупьяный
Объ руку съ Момусомъ сидитъ,
И съ „цѣломудренной“ Діаной
Разнѣжась, юноша шалитъ,—
Туда, туда, всегда стремились
Всѣ мысли Сашки моего:
И Вакхъ, и Момусъ веселились,
Принявъ въ товарищи его.
Въ его пирахъ не проливались
Мадера, Рейнъ или Токай,
Но сильно, сильно испивались
Иль пуншъ, иль грозный сиволдай......
Вотъ полу-лежа, въ вицмундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ красотками въ трактирѣ
Какой-то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ,
И слово вольное летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ.
Кричитъ, пуншъ плещетъ, брызжетъ пиво,
Графины, рюмки дребезжатъ,—
И вкругъ гуляки молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ.
Махнулъ,—и бубны зазвучали,
Какъ громъ по тучамъ прокатилъ,
И крикъ Цыганской „Черной шали“
Трактира своды огласилъ!
И дикій вопль, и восклицанья
Созвучны съ пылкою душой,
И палъ студентъ въ очарованьи
На перси дѣвы молодой...
Кто-жъ сей во славѣ буйной зримый,
Младой, роскошный эпикуръ,
Царицей Пафоса любимый,
Средь нимфъ увѣнчанный амуръ?

Друзья! Никакъ не можетъ статься,
Чтобъ всякій вдругъ не угадалъ,
И мнѣ пришлось бы извиняться,
Зачѣмъ я прежде не сказалъ...
Ахъ, время-времячко лихое!
Тебя опять не наживу,
Когда, бывало, съ другомъ двое
Вверхъ дномъ мы ставили Москву!
Пока я живъ на свѣтѣ буду,
Въ какихъ-бы ни былъ я странахъ,—
Нѣтъ, никогда не позабуду
О нашихъ доблестныхъ дѣлахъ.
Деру завѣсу темной нощи
Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней,
И вижу: въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей.
Фуражки, взоры и походка—
Все дышетъ жизнію, поетъ;
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ.
Идемъ, качаясь величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
И дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.
Идемъ,—и горе тебѣ, дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ:
„Молчать!“ кричимъ, насупясь звѣрски,—
Иль выбьемъ потроха какъ-разъ!“
Толпимъ рой женъ и дѣвъ стыдливыхъ,
(Попались въ давкѣ тѣсной намъ),
Изъ нихъ цѣлуемъ мы смазливыхъ
И харкаемъ въ глаза коргамъ.
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ:
Пусть дураки на насъ глядятъ,—
Намъ все равно: хвалы не ищемъ;
Пусть что угодно говорятъ!
Но вотъ темнѣе и темнѣе,
Народъ разбрелся по домамъ.
„Извощикъ!“—Здѣсь, сударь.—„Живѣе!
Пошелъ на Срѣтенку....... !“
—„Но, но!“ и дрожки затрещали,
Летимъ стремглавъ, летимъ—и вотъ
Къ знакомымъ давнимъ прискакали...
Ужь съ колокольни несонливой
Раздался утрени набатъ......
Дымъ каждую туманилъ кровлю,
Ползли ярыги къ кабакамъ,
Шли хищныхъ полчища на ловлю,
И шайки нищихъ тамъ и сямъ.
Прощайте-жъ, милыя красотки,
Теперь намъ нечего зѣвать!
И такъ, допивъ остатокъ водки,
Отправились домой мы спать“.

Праздности, задорнымъ шалостямъ и разгулу отдавалось почти все время университетскаго курса, и большинство студентовъ тотдашняго поколѣнія,—конечно не въ одномъ лишь Московскомъ университетѣ, болѣе или менѣе дѣлило съ Полежаевымъ славу буйныхъ оргій: онѣ, сплошь да рядомъ, были любимыми увеселеніями студенческихъ кружковъ, съ которыми удачно соперничала въ этихъ потѣхахъ и армейская молодежь. Въ подобныхъ подвигахъ полагался своего рода *шикъ*, предметъ щегольства и молодечества забубённыхъ повѣсъ, и чѣмъ причудливѣе, чѣмъ отважнѣе устроивалась какая нибудь безобразная продѣлка, тѣмъ бо́льшею властію среди своихъ сподвижниковъ пользовался виновникъ ея и герой. Странное было это время! Съ одной стороны оно ознаменовалось для университетовъ притѣснительными мѣрами противъ малѣйшихъ признаковъ свободомыслія, даже до насильственнаго водворенія чуть не монастырской дисциплины, а съ другой—сопровождалось полнѣйшею нравственною распущенностью учащейся молодежи; и между тѣмъ, какъ подъ тяжелою рукою Магницкихъ, Руничей, Карнѣевыхъ тщательно придавливалось всякое дыханіе умственной жизни, собственно въ интересахъ «благочестія», «благочинія» и «благонравія», большинство молодыхъ людей находило полную возможность для самыхъ необузданныхъ безобразій по трактирамъ и притонамъ разврата. Однако, такое явленіе было совершенно естественно, какъ крайность противъ крайности, какъ побочное возмѣщеніе отсутствія работъ, питающихъ мысль, облагораживающихъ душу. Мудрено-ли, что повсемѣстное паденіе университетской науки, при усиленномъ преслѣдованіи свободы преподаванія и повальномъ остракизмѣ лучшихъ профессоровъ, приводило молодежь къ грубымъ и постыднымъ развлеченіямъ? Ими утолялась, хотя и фальшиво, жажда жизни, пылавшая въ горячей молодой крови. При этомъ надо помнить, что наибольшая часть учащагося юношества состояла изъ дворянскихъ дѣтей, выращенныхъ на лонѣ крѣпостнаго права и всосавшихъ съ материнскимъ молокомъ беззавѣтное потворство дикимъ затѣямъ. Исключеніемъ изъ общаго правила являлась только избранная группа великосвѣтской гвардейской молодежи, ознакомленная ультра-французскимъ воспитаніемъ и заграничными походами съ условіями Европейской образованности. Участіе къ общественнымъ вопросамъ, къ судьбамъ отчизны, политическія мечты объ улучшенномъ внутреннемъ ея устройствѣ, начинавшія тогда волновать умы и сердца многихъ передовыхъ людей въ этомъ высшемъ слоѣ общества, были почти совершенно чужды массѣ университетскихъ питомцевъ. Всѣ порывы нѣкоторыхъ изъ нихъ къ лучшимъ гражданскимъ идеаламъ (проблески чего тускло мелькаютъ кое-гдѣ въ юношескихъ стихотвореніяхъ Полежаева) были неопредѣлен-

ны, шатки, безпочвенны, какъ все напускное, схваченное мимолётно съ чужаго голоса и далекое отъ мало-мальски дѣльнаго изученія. Въ огромномъ-же большинствѣ членовъ студенческой братіи отсутствовали и эти слабыя поползновенія къ головоломнымъ вопросамъ. Правда, въ близкомъ уже будущемъ предстояло возрожденіе истинно-университетскаго духа, а съ нимъ и появленіе на поприщѣ дѣйствія такихъ замѣчательныхъ представителей русской мысли и науки, какъ напр. Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій, К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ; но, до тѣхъ поръ, предшественники ихъ пробавлялись совсѣмъ иными стремленіями, не имѣвшими ровно ничего общаго съ идеями, которыя исповѣдовали люди, смѣнившіе собою поколѣніе конца двадцатыхъ годовъ. За незначительными изъятіями, какими можно было считать горсть скромныхъ тружениковъ, прильнувшихъ къ научнымъ занятіямъ если не изъ любви къ нимъ, то изъ-за куска хлѣба насущнаго, все тогдашнее студенчество «сбивало себѣ оскомину» только кутежами, или выходками возмутительнаго самодурства.... Драки съ полицейскими, разгромы домовъ терпимости, битьё по зубамъ несчастныхъ женщинъ, населявшихъ эти вертепы,—все это было въ преданіяхъ и нравахъ того поколѣнія, все это были сцены заурядныя. Вотъ ихъ образчикъ изъ Полежаевской поэмы:

„Ахъ, много, много мы шалили!
Быть можетъ, пошалимъ опять,—
И много, много старой были,
Друзья, найдется разсказать,
Во славу университета.
Какъ будто вижу я теперь
Осаду нашу „комитета“.
Вотъ Сашка мой стучится въ дверь.
„Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ?“
Оттуда голосъ закричалъ.
— Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ,—
Сердито Сашка отвѣчалъ.
Сказалъ, какъ вихорь устремился—
И дверь низвергнулась съ крючкомъ,
И, заревѣвши покатился
Лакей съ желѣзнымъ косаремъ.
Се ты, о *Сомовъ* незабвенный!
Твоею мощной пятернёй
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой.
Какъ лютый волкъ, стремится Сашка
На дѣву блѣдную одну,—
И распростерлася Дуняшка,
Облившись кровью, на полу.
Какое страшное смятенье
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,

И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно-избіенныхъ дѣвъ!...
Но вдругъ огнями озарился
Пространный „комитета“ дворъ,—
И съ кучерами появился
Свирѣпыхъ буфелей дозоръ.
„Держи!“—повсюду крикъ раздался,—
И быстро бросились на насъ,
И бой ужасный завязался...
О, грозный день! О, лютый часъ!
Шинели, шляпы и фуражки
Съ героевъ буйственныхъ летятъ,
И—что я зрю? О, небо! Сашкѣ
Веревкой руки ужъ крутятъ!...
„Друзья!“ кричитъ онъ, задыхаясь:
„Сюда! Здѣсь всѣхъ не перебью!“
Народъ-же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
Ахъ, Сашка! что съ тобою будетъ?
Тебя въ рогатку закуютъ,
И рой друзей тебя забудетъ....
Но нѣтъ! Ужъ *Калайдовичъ* тутъ!
Онъ тутъ,—и нѣтъ тебѣ злодѣя:
Твою веревку онъ сорвалъ
И, какъ медвѣдь всё свирѣпѣя,
Во прахъ онъ буфелей поклалъ.
Одной своей телячьей шапки
Уже во вѣкъ ты не узришь,
А самъ безвреденъ: послѣ схватки
Опять за пуншемъ ты сидишь.
Пируй теперь, мой *Ждановъ* милый:
Невѣрность Дуньки отмщена.
И проясни свой ликъ унылый
Стаканомъ пѣннаго вина.
И ты, мой другъ, въ тогдашни годы,
Теперь—подлецъ и негодяй,
Настрой-ка, *Пузинъ*, братъ, аккорды,
Возьми гитару и взыграй.
Взыграй чувствительнѣе барда.
Кавpайскій! вотъ сивуха, пей!
Прочь, прочь, *Надеждинъ*, отъ бильярда:
Коль проигралъ, такъ не робѣй!
И ты, нашъ чайный разливатель,
Окушенскій, не отходи,
И какъ порядка наблюдатель,
За пиромъ радостнымъ гляди!
Засядемъ дружескимъ соборомъ
За столъ уставленный виномъ,
И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ,
Лихую пѣсню запоемъ.
Долой, всѣ грусти и печали!...
Давно, давно мы не бывали
Въ такомъ божественномъ кругу.

Скачите, дѣвы, припѣвая:
Виватъ, нашъ Сашка молодецъ!
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей-богу, удалецъ!"

Цѣлый годъ прошелъ у Полежаева въ этихъ громкихъ дѣяніяхъ и въ воспѣваніи ихъ стихами, писанными въ промежуточные часы разгула. Извѣстность его какъ поэта (говоритъ г. Гербель) росла съ каждымъ годомъ, и стихи его не только восхвалялись невзыскательными товарищами, но и печатались въ журналахъ. Такъ въ IX книжкѣ «Новостей Литературы» на 1824 г. былъ помѣщенъ его стихотворный переводъ повѣсти Байрона «Оскаръ д'Альва», а въ 23 № «Вѣстника Европы», на 1825 годъ — два стихотворенія, изъ которыхъ одно оригинальное «Постоянство», а другое переводное «Морни или тѣнь Кормала» *Оссіана*. Но надо сказать, прибавимъ мы, что эти первые опыты, удостоившіеся печати, были плоховаты и, по достоинству, рѣшительно уступали тѣмъ рукописнымъ издѣліямъ вольной музы Полежаева, которыя отличались, по крайней мѣрѣ, безъискуственностью и проблесками живаго юмора [9]). Болѣе же серьёзнымъ и зрѣлымъ его произведеніямъ, доказывающимъ дѣйствительную силу таланта, суждено было явиться уже впослѣдствіи, когда судьба возложила поэту тяжелый крестъ на плеча.

Слухи о предосудительномъ образѣ жизни Полежаева, мало по малу, дошли, наконецъ, до его родныхъ. Не знаемъ, застали-ли они въ живыхъ отца его; но дѣло въ томъ, что Петербургскій дядюшка, Юрій Николаевичъ Струйскій, повидимому взявшій на себя обязанность его попечителя, вызвалъ повѣсу-племянника къ себѣ въ Петербургъ (лѣтомъ 1824 г.), съ угрозой взять его совсѣмъ изъ Московскаго университета и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Дѣлать было нéчего и дѣваться нéкуда: Полежаевъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ отправиться по грозному требованію разгнѣваннаго родича, въ качествѣ блуднаго сына,

---

[9]) Вотъ самодѣльный его эпиграфъ къ той поэмѣ, откуда мы приводимъ частыя выписки:

„Не для славы
Для забавы
Я пишу.
Одобренья,
Осужденья
Не прошу!
Пусть кто хочетъ.
Тотъ хохочетъ,—
И я радъ;
А развратенъ,
Непріятенъ,—
Пусть бранятъ"!

съ повинной головою и порожнимъ кошелькомъ, опустошеннымъ до-тла Московскими забавами. Въ начальныхъ строфахъ той-же рукописной поэмы, пародируя «Евгенія Онѣгина», Полежаевъ довольно много говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ дядѣ и объ его характерѣ. По описанію нашего поэта, это былъ старый служака, любившій разсказывать о военныхъ дѣлахъ, большой поклонникъ Наполеона, человѣкъ очень вспыльчивый, но «отходчивый», т.-е. скоро простывающій и незлопамятный.

„Мой дядя человѣкъ сердитый,
„И тьму я браней претерплю;
„Но если-жъ говорить окрыто,
„Его немного я люблю:
„Онъ чортъ, когда разгорячится,
„Дрожитъ, какъ пустится кричать;
„Но жаръ въ минуту охладится,
„И тихъ мой дядюшка опять!
„За то какая-же мнѣ скука
„Весь день при немъ въ гостинной быть,
„Какая тягостная мука
„Лишь о походахъ говорить....
„Супругѣ строить комплименты,
„Платочки съ полу поднимать,
„Хвалить ей чепчики да ленты,
„Дѣтей въ колясочкѣ таскать,
„Точить имъ сказочки да лясы,
„Водить въ саду, въ день раза три,
„И строить разныя гримасы,
„Бормоча: „чортъ васъ побери!“
Такъ, растянувшись на телѣгѣ,
Студентъ Московскій размышлялъ,
Когда въ ночномъ оттоль побѣгѣ
Онъ къ дядѣ въ Питеръ поскакалъ.
Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ.
Его фамилья *Полежаевъ*,
А дальше... Эхъ, друзья; не вдругъ!
Я парень и безъ васъ болтливый,
И только-бъ васъ не усыпить,
А то внимайте терпѣливо:
Я радъ весь вѣкъ свой говорить....

Почти вся вторая часть поэмы посвящена подробностямъ пребыванія Полежаева въ Петербургѣ. Сперва онъ побаивался не на шутку и вздыхалъ по Москвѣ:

„Чуть освѣщаемый луною, -
Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
Когда, съ уныньемъ и тоскою,
Его верхи узрѣлъ нашъ другъ.

На облучкѣ, спустивши ноги,
Въ забвеньи жалкомъ онъ сидѣлъ
И объ оконченной дорогѣ
Въ сердечной думѣ сожалѣлъ;
Стаканъ послѣдній сиволдая
Передъ заставой осушилъ.
И изъ телѣги вылѣзая,
И молчаливъ, и смутенъ былъ.
Нева широкая струилась
Близь постоялаго двора,
И недалеко серебрилось
Изображеніе Петра.
Все было тихо; не спокойно
Въ душѣ лишь Сашки моего,
И не смыкалися невольно
Глаза померкшіе его,—
Недавно буйнаго студента.
Съ дымящимся отъ трубки ртомъ
Онъ, прислонясь у монумента,
Стоялъ съ потупленнымъ челомъ...
„Увы, увы! часы веселья,
Вы пролетѣли, будто сонъ!“
Такъ въ Петербургскомъ новосельѣ,
Вздохнувши тяжко мыслилъ онъ.
„Быть можетъ, долго, молодыя
Красотки, мнѣ васъ не видать!...
Прощайте, звонкіе стаканы,
И пуншъ, и мощный Ерофей!
Быть можетъ, други мои пьяны
Теперь пируютъ у Цирцей,
И сны пріятные осѣнятъ
Глаза, сомкнутые виномъ;
Лучи дневные ихъ освѣтятъ
Разупоенныхъ сладкимъ сномъ.
Увы, увы!... А я, несчастный,
Я-бъ проклялъ восходящій день!
Умолкъ, и лучъ денницы ясной
Разсѣевалъ ночную тѣнь.
Эхъ, Сашка! Какъ тебѣ не стыдно!
Сробѣлъ, лихая голова!
Ей-богу, слушать намъ обидно
Такія вздорныя слова.
Когда ты былъ такою бабой,
Когда ты трусилъ и тужилъ?
Какъ мальчикъ глупенькій и слабый,
При видѣ розги пріунылъ.
Что ты въ Москвѣ накуралесилъ
И голъ остался какъ соколъ,
Такъ и раскисъ и носъ повѣсилъ?...
Пошелъ, братъ, къ дядюшкѣ, пошелъ!

Однимъ словомъ, блудно-промотавшійся племянничекъ, со страхомъ и трепетомъ, ожидалъ отъ дяди крутой расправы за свои Московскія

прегрѣшенія, сознавая, что тотъ имѣетъ право отнестись къ нему по заслугамъ. И въ самомъ дѣлѣ, не ласкова была встрѣча званому гостю; но, затѣмъ все обошлось благополучно. Виноватый повѣса скорчилъ видъ чистосердечнаго раскаянія, прикинулся тронутымъ до слезъ, а можетъ быть и непритворно растрогался въ эту минуту, и скоро умѣлъ такъ поддѣлаться къ дядѣ, что не только обезоружилъ его гнѣвъ, но и сдѣлался баловнемъ старика, который доставлялъ ему всѣ средства для развлеченій, свойственныхъ порядочнымъ людямъ. Племянникъ весьма охотно ими пользовался и повелъ приличный съ виду образъ жизни, а между тѣмъ, изподтишка, всё-таки пошаливалъ на старый ладъ, только умѣлъ ловко хоронить концы въ воду, что̀ продолжалось вплоть до обратнаго отъѣзда въ Москву.

„И что-жь, друзья? Вѣдь справедливо
Онъ (*т.-е. Сашка*) дядю чортомъ называлъ:
Вѣдь какъ-же тотъ краснорѣчиво
Его сначала отщелкалъ!
Какую задалъ передрягу!
Такую пѣсенку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бродягу,
Что тотъ лишь слушалъ да потѣлъ.
Потомъ все тише да смирнѣе,
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Потомъ все ласковѣй, добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.
А Саша тутъ и распустился,—
И чувствуетъ, что виноватъ,
Раскаялся и прослезился.—
И дядя, Боже мой, какъ радъ!
Повѣсу грязнаго отмыли;
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ,
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть нельзя до ногъ!
И веселится тамъ, нисколько,
Никакъ, не думавъ, не гадавъ.
Пируетъ Сашка мой—и только,
Опять въ кругу своихъ забавъ.
Гдѣ видъ Московскаго гуляки?
Куда дѣвался пухлый ликъ?
Голо, кургузо, въ модномъ фракѣ,
Въ отличной шляпѣ-клякъ,
Въ красивомъ бархатномъ жилетѣ,—
Нашъ Сашка тотъ-же, да не тотъ!
Вотъ, избоченясь, на проспектѣ
Онъ съ миной важною идетъ;
Червонецъ свѣтлый, драгоцѣнный,
И на театры въ первый рядъ,
Билетъ на кресла ежедневный
Въ карманѣ брюкъ его лежатъ.

Съ какой улыбкою кичливой
На прочихъ франтовъ онъ глядитъ,
Какой усмѣшкою сонливой
И дамъ и барышень даритъ;
Съ какой пріятностью играетъ
И машетъ хлыстикомъ своимъ
И какъ искусно задѣваетъ
Подъ ножки дѣвушекъ онъ имъ!
Какой bon-ton въ осанкѣ, взорахъ,
Какую важность возъимѣлъ....
И вотъ на ухорскихъ рессорахъ
Въ театръ, разлегшись полетѣлъ.
  Взошелъ. Съ небрежностью лакею
Билетъ, сморкаясь, показалъ,
И, изогнувши важно шею,
Глазами ложи пробѣжалъ.
Взгремѣла Фрейшюца музыка,
Громъ плесковъ залу оглушилъ—
И всякъ отъ мала до велика
И упоенъ, и тронутъ былъ.
Что-жъ Сашка? Съ видомъ пресыщенья,
Разлегшись въ креслахъ, онъ сидитъ
И лишь съ улыбкой сожалѣнья
Въ четыре стороны глядитъ.
  Напрасно „фора“ всѣ кричали,
Онъ свой выдерживалъ bon-ton,
И въ самомъ дѣйствія началѣ
Спокойно пуншъ пить вышелъ онъ.
Напрасно, милая *Дюрова*,
Твой голосъ всѣхъ обворожалъ:
Онъ не расслышалъ ни полслова,
Но только ножку увидалъ.
Напрасно, Антонинъ (?) воздушный,
Ты рѣзалъ воздухъ какъ зефиръ,—
Для тону Сашкѣ будетъ скучно,
Хотя-бъ растѣшилъ ты весь міръ.
  Да и нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ.
Смотрите, онъ въ какомъ кругу!
Народъ не тотъ здѣсь........
Все видишь ленту иль звѣзду;
И, шутки въ сторону откинувъ,
Съ нимъ рядомъ первая вѣдь знать:
И такъ, пристойно-ль, ротъ разинувъ,
Степнымъ букой себя казать.
Такъ, разъ и твердо разсудивши,
Всегда нашъ Сашка поступалъ
И каждый день въ театрѣ бывши,
Роль полусоннаго игралъ.
  Но какъ-же былъ за то онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полу-тихо-нѣжно-томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ!

Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ всегда благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ;
По Лѣтнему-ль гуляетъ саду, —
Не свищетъ пѣсенки, небось;
Хоть разкрасотка будь,—ни взгляда
Не кинетъ на нее и вкось.
Съ какою пылкостью восторга
Дѣлилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты;
Съ какимъ онъ жаромъ изумлялся
Наполеонову уму
И какъ дѣлами восхищался
Моро, и Нея, и Даву!
Бранилъ всѣхъ Русскихъ безъ разбора,
И въ Эрмитажѣ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта, ни взора....
О, плутъ! О, шельма!.......
  И потакалъ, и лицемѣрилъ,
И льстилъ безсовѣстно, и вралъ;
А честный дядя всему вѣрилъ
И шельмѣ—денежки давалъ!
Бывало, только-что съ Мильонной,—
А дядя: „гдѣ, дружочекъ, былъ?"
—„Да я-съ (куда какой проворный!)
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ дворецъ...
Что за прекрасная погода!"
Вотъ такъ-то лгалъ нашъ молодецъ.

Богъ знаетъ, кто кого надувалъ изъ двухъ, и дѣйствительно ли сѣдой дядя былъ такъ простодушенъ, что безъ всякой задней мысли давался въ обманъ молокососу-племяннику; но сей послѣдній совершенно увѣрился въ успѣхѣ своей тактики и въ возможности скоро вырваться опять на свободу отъ стариковскаго надзора, надоѣвшаго ему вмѣстѣ со всѣми явными и келейными Питерскими увеселеніями. Въ нихъ не доставало ему главной приправы: привычной компаніи Московскихъ друзей-товарищей.

„Ахъ ты, лукавая ярыга!
Вѣдь что, мошенникъ, не соврётъ!
За то нашъ ловкій забулдыга
Живетъ да пѣсенки поетъ:
Кутитъ отъ дяди по секрету,
Порхаетъ фертикомъ въ садахъ,
Пируетъ съ нимфами до свѣту
И душитъ водку въ погребахъ!

Ну, что ты дѣлать съ нимъ прикажешь?
Не хочетъ слышать ужъ про насъ....
Эй, Сашка! Или не покажешь
Въ Москву своихъ спѣсивыхъ глазъ?...
Постой! Не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ Café de France ты будешь пить,
И шейки обвивать лилейны,
И въ шляпѣ à la pique ходить;
Постой: не вѣчно Петербурга
Красотокъ будешь ты ласкать!
Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ, къ намъ опять!
Гуляй, пируй, пока возможно,
Крути, помадь свой хохолокъ,—
Минуты упускать не должно:
Играй, сбоченясь à la coq.
Не выпускай изъ рукъ стакана,
Отъ *Каратыгина* зѣвай,
И въ ресторанѣ ты съ дивана,
Дымясь въ вакштафѣ, не вставай;
Катайся въ лодочкахъ узорныхъ,
Лови, обманывай Жидовъ
И мчись на рысакахъ проворныхъ
До позднихъ полночи часовъ;
Служи пока веселья цѣли,—
А дядя мыслитъ кое-что:
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто нанято.“

Затѣмъ, по прибытіи въ Бѣлокаменную, «для продолженія университетскаго курса», Полежаевъ попадаетъ сперва въ Кремлевскій садъ на вечернее гулянье (картину котораго мы пропускаемъ, какъ совсѣмъ не удавшуюся) и тамъ случайно встрѣчается съ своими *закадычными*. Тутъ снова на сценѣ разливанное море студенческой попойки, въ честь благополучнаго пріѣзда воротившагося товарища.

„Но что? Не призракъ-ли намъ ложный
Глаза внезапно ослѣпилъ?
Что видимъ мы? Ужель возможно,
Чтобъ это Сашка нашъ ходилъ!
Его ухватки и движенья,
Его осанка, взоръ и видъ....
Какія странныя сомнѣнья:
И духъ и кровь во мнѣ кипитъ....
Иду къ нему—трясутся ноги...
Все ближе милыя черты!
Дрожу, страшусь, колеблюсь... боги!
О, другъ любезный! Это ты?....
Друзья, завѣсу опускаю
На нашу радость и восторгъ;
Такой минуты, сколько знаю,
Никто намъ выразить не могъ.

Сердцамъ же вѣрнымъ и открытымъ
И все желающимъ узнать,
Умамъ чрезмѣру любопытнымъ
Довольно, кажется, сказать:
Что разъ пятнадцать съ нимъ обнявшись
И оросивъ слезами грудь,
И разъ пятнадцать цѣловавшись,
Въ трактиръ направили мы путь.
Не вспомнишь все, что̀ мы болтали;
Но все, что̀ тутъ онъ разсказалъ,
Вы передъ этимъ прочитали,
И я все вѣрно передалъ.
Одно лишь только онъ прибавилъ,
Что дядя въ университетъ
Еще на годъ его отправилъ
И что довольно съ нимъ монетъ.
„Сюда, друзья, сюда!“ гремящимъ
Своимъ мнѣ гласомъ возопилъ,
И пуншемъ—нектаромъ кипящимъ
Въ минуту столъ обрызганъ былъ.
Ты видѣлъ, Поль, когда на дрожкахъ
Къ тебѣ онъ быстро подлетѣлъ,
Въ то время съ книгой у окошка,
Дымивши трубкой ты сидѣлъ.
Ты помнишь, о Коврайскій славный,
Студентовъ честь и красота,
Какой ты встрѣчею забавной
Порадовалъ его тогда:
Растрёпаннымъ, мертвецки пьянымъ,
Тебя онъ въ номерѣ засталъ....
Ты зрѣлъ, любезный мой Костюша,
Его какъ стельку самого....
Виватъ трактиры и .....!
Еще пожива будетъ вамъ,
И погребки не опустѣли,
Когда пріѣхалъ Саша къ намъ!
Въ весельи буйственномъ съ друзьями
Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
А разноцвѣтными огнями
Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ“ [10])
Друзья! Вотъ нѣсколько дѣяній
Изъ жизни Сашки моего;
Быть можетъ, дождь ругательствъ, брани,
Какъ градъ посыплютъ на него.
И на меня, какъ корифея
Его распутства и безчинствъ,
Нагрянетъ, злобой пламенѣя,
Какой-нибудь семинаристъ...

---

[10]) Здѣсь собственно оканчивается юмористическая поэма Полежаева. Послѣдняя строфа составляетъ къ ней эпилогъ.

Но я ихъ столько презираю,
Что даже слушать не хочу
И что про Сашку вновь узнаю,
Ей-ей ни въ чемъ не умолчу."

Такъ проходили дни за днями. Ровно три года протекло съ тѣхъ поръ, какъ Полежаевъ носилъ званіе студента Московскаго университета, и почти всѣ эти годы были посвящены,—говоря его-же языкомъ, на ревностное служеніе Бахусу, Момусу и Венерѣ, при чемъ также не забывались и частыя жертвоприношенія Фебу, богу поэзіи. Наконецъ, надъ усерднымъ ихъ поклонникомъ внезапно разразилась грозовая туча, навлеченная не самымъ его поведеніемъ, а тою поэмой-пародіей, въ которой онъ изображалъ свои вакханаліи. Шуточное описаніе факта оказалось болѣе преступнымъ, чѣмъ самый фактъ, и не будь этой несчастной поэмы, участь Полежаева не была-бы хуже той, какая пришлась на долю многихъ его товарищей-собутыльниковъ, повидимому избѣгнувшихъ всякой напасти.... Но жизнь бѣднаго поэта съ этой именно поры принимаетъ окраску трагическую.

Бѣда нагрянула на его голову нежданно-негадано. Это случилось въ 1826-мъ году. То было мрачное время, послѣдовавшее за событіями 14-го Декабря, время повсемѣстныхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ и тому подобныхъ предупредительныхъ или карательныхъ мѣръ, вызывавшихся доносами, изслѣдованіями и подозрѣніями правительственной власти, встревоженной недавними происшествіями. Слѣды открытыхъ въ нихъ политическихъ замысловъ и аналогичнаго съ ними настроенія умовъ неутомимо розыскивались всюду и въ особенности среди молодаго поколѣнія интеллигентныхъ классовъ общества, хотя собственно университетскіе питомцы нигдѣ и ничѣмъ себя не заявили въ томъ движеніи, которое послужило поводомъ для этихъ розысковъ. Паника овладѣла, однако, учащимся людомъ, и каждый старался снять съ себя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ благонадежномъ образѣ мыслей. Такъ было и съ Полежаевымъ. Повинуясь чувству самосохраненія, да вѣроятно и совѣтамъ опытныхъ доброжелателей, онъ попробовалъ настроить свою лиру на торжественно-патріотическій тонъ, совершенно ей несвойственный, какъ это свидѣтельствуется двумя плохими, крайне-напыщенными стихотвореніями: «Въ память благотвореній императора Александра 1-го Московскому университету» и пьесою «Геній». Изъ нихъ первое было публично произнесено въ годовщину основанія университета, 12-го Января, а второе читано въ торжественномъ годичномъ собраніи университета, 3-го Іюля 1826-го года. Впрочемъ, эти оффиціальныя изліянія казенно-патріотическихъ чувствъ автора нимало не пригодились ему на черный день, какъ увидимъ далѣе.

Въ Іюлѣ 1826-го года, когда дворъ находился въ Москвѣ для торжества коронаціи, огласилось передъ высшею властію существованіе рукописной поэмы студента Полежаева. Полицейскимъ агентамъ ничего не значило добраться до имени сочинителя, такъ какъ оно названо прямо въ самомъ текстѣ поэмы, да притомъ авторъ и не думалъ таиться: тетрадь въ сотняхъ списковъ ходила по рукамъ среди молодёжи, падкой на всякіе скандалёзно-скоромные стишонки, и довольно долго не возбуждала вниманія ни въ комъ изъ людей степенныхъ. Вся поэма, конечно, отзывалась цинизмомъ тона, но выходокъ въ такъ называемомъ *политическомъ* духѣ она въ себѣ почти не заключала, кромѣ *восьми* только стиховъ 1-й части [11].... По всей вѣроятности, только эти восемь строкъ [12]) и сгубили поэта; пошлыя же сцены трактирныхъ буйствъ и ночныхъ кутежей, какими она наполнена, едва-ли могли явиться побудительною причиною для строгой расправы съ сочинителемъ, потому что въ студенческомъ быту—повторяемъ—подобные «дебоши» были до того обыкновенны и, можно сказать, общеизвѣстны, что особеннымъ взысканіямъ не подвергались: много много, если провинившихся гулякъ засаживали, бывало, въ карцеръ, на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По какъ-бы тамъ ни было, а на этотъ разъ открытіе шуточной поэмы-пародіи дорого обошлось мальчишкѣ-автору [13]).

Теперь приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ происшествіяхъ съ Полежаевымъ, на основаніи его собственныхъ словъ, переданыхъ печатно однимъ извѣстнымъ писателемъ, который познакомился съ нимъ около 1833-го года.

Однажды, въ три часа ночи, самъ ректоръ университета [14]) разбудилъ Полежаева, приказалъ ему надѣть мундиръ и явиться въ университетское правленіе, гдѣ ожидалъ прибывшихъ попечитель учебнаго округа. Онъ тщательно осмотрѣлъ форменный костюмъ Полежаева и безъ всякаго объясненія велѣлъ ему ѣхать съ собою. Оба они въ по-

---

[11]) Строфа IX, которая начинается такъ:

„А ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цѣпями,
Отчизна глупая моя!......“

[12]) Напомнимъ читателю, что за множество подобныхъ-же выходокъ Пушкинъ, благодаря предстательству Карамзина, отдѣлался только высылкою изъ столицы въ Южгую Россію, для зачисленія тамъ на службу. За Полежаева ходатаевъ не было.

[13]) Ему въ то время было *девятнадцать* лѣтъ отъ роду.

[14]) Ректоромъ все еще состоялъ *Антонскій-Прокоповичъ*, уволенный, однако, отъ ректорства *въ томъ же 1826 году, по болѣзни.*

печительской каретѣ пріѣхали къ министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь повезъ студента въ царскій дворецъ [15]).

Тамъ министръ оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидалось нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ сановниковъ (не смотря на то что былъ только 6-й часъ утра), а самъ пошелъ во внутренніе покои. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ даже предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ министромъ. Онъ бросилъ на вошедшаго строгій, испытующій взглядъ. Въ рукѣ у него была тетрадь.

— Ты ли, спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?

— Я, отвѣчалъ Полежаевъ.

— Вотъ, продолжалъ Государь, обратившись къ министру, вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія: я вамъ покажу, чему тамъ учатся молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ, прибавилъ онъ, снова отнесясь къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что читать онъ не могъ. Взглядъ Императора неподвижно остановился на немъ.... «Я не могу», проговорилъ смущенный студентъ.

— Читай! подтвердилъ Государь, возвысивъ голосъ.

Тогда, собравшись съ духомъ, Полежаевъ развернулъ тетрадь. «Никогда (впослѣдствіи разсказывалъ онъ) я не видывалъ «Сашку» такъ хорошо переписаннаго и на такой славной бумагѣ».

Сперва ему было трудно читать; потомъ, кое-какъ оправившись, онъ тверже дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ Государь дѣлалъ знакъ рукою министру. Тотъ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что̀ скажете? спросилъ Императоръ по окончаніи чтенія. Я положу предѣлъ этому разврату. Это все еще слѣды .... послѣдніе остатки.... Я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

Министръ разумѣется не зналъ его поведенія; но въ немъ шевельнулось чувство состраданія, и онъ сказалъ: «Превосходнѣйшаго, Ваше Величество».

---

[15]) Тотъ писатель, который положилъ на бумагу этотъ устный разсказъ Полежаева, называетъ вездѣ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія свѣтлѣйшаго князя К. А. Ливена; но это анахронизмъ, ибо кн. Ливенъ сталъ министромъ не прежде 1828 года, а предмѣстникомъ его былъ адмиралъ А. С. Шишковъ, съ 1823 по 1828 годъ.—Попечителемъ Московскаго университета былъ тогда князь Андрей Петровичъ Оболенскій.

—Этотъ отзывъ тебя спасъ, сказалъ Государь Полежаеву; но наказать тебя все-таки надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

—Я тебѣ даю военною службой средство очиститься. Что-же, хочешь?

—Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и сказавъ: «отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ писать», поцѣловалъ его въ лобъ.

Отъ Государя свели Полежаева къ Дибичу, начальнику Главнаго Штаба, который жилъ тутъ-же во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили; онъ вышелъ, зѣвая, и прочитавъ препроводительную бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»—Онъ, ваше превосходительство [16]).—«Что же,—обратился Дибичъ къ студенту,—доброе дѣло; послужите въ военной; я все въ военной службѣ былъ. Видите дослужился; и вы, можетъ, будете генераломъ». Послѣ этой любезности, Дибичъ распорядился отвезти немедленно «будущаго генерала» въ лагерь, расположенный подъ Москвой, и сдать его въ солдаты.

Въ какой именно полкъ его назначили, мы не знаемъ, какъ не знаемъ достовѣрно и того, что сталось съ участниками студенческихъ шалостей Полежаева, поименно указанныхъ въ его поэмѣ, и миновало-ли ихъ взысканіе. Надо думать, что имъ ничего не досталось; по крайней мѣрѣ, слуховъ объ этомъ не было.

Съ этого времени началась новая жизнь Полежаева, жизнь суровыхъ и непрерывныхъ испытаній, которыя въ дребезги разбили его будущность и уложили самого страдальца въ преждевременную могилу. Насталъ крутой переходъ отъ беззаботнаго приволья къ автоматической исполнительности, къ однообразной форменности, къ уставнымъ требованіямъ строевой выправки.... Едва-ли можно сомнѣваться, что солдата-новобранца, въ «исправительныхъ» видахъ, постарались помѣстить именно въ ту часть войскъ, гдѣ главное начальство отмѣнно преуспѣвало по фронтовой службѣ совершенствомъ пріемовъ шагистики и ружейныхъ темповъ, отличаясь отсутствіемъ всякой «слабости» къ подвластнымъ; не менѣе правдоподобно и то, что новый подчиненный

---

[16]) Въ Іюлѣ 1826 года баронъ Дибичъ не былъ еще графомъ, а имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта, состоя въ генералъ-адъютантскомъ званіи и должности начальника Главнаго Штаба. Со дня коронаціи (22-го Августа 1826 г.) онъ произведенъ генераломъ отъ инфантеріи; графское достоинство получилъ въ слѣдующемъ 1827 г., чинъ-же фельдмаршала 22-го Сентября 1829 года.

былъ *особенно* рекомендованъ *особенному* вниманію этого начальства и что оно поняло свою задачу съ свойственной ему и нѣсколько односторонней точки зрѣнія. Пожалуй, для иной натуры, да еще при иныхъ условіяхъ, подобный переломъ оказался-бы дѣйствительно полезною школой терпѣнія, порядка и точности, потому что могъ-бы исподоволь отрезвить нравственно-распущенную волю, очистить характеръ отъ наносной грязи безалаберныхъ привычекъ и ложныхъ воззрѣній, ознакомить молодаго человѣка практически съ здравыми понятіями объ исполненіи обязанностей, объ уваженіи долга. Вѣроятно, эта именно цѣль и имѣлась въ виду свыше, при опредѣленіи Полежаева въ военную службу; но съ нимъ случилось нѣчто совсѣмъ другое. Родные (въ томъ числѣ и благодѣтель-дядя) отъ него совершенно отчудились; прежніе друзья боялись, во вредъ себѣ, продолжать съ нимъ сношенія; чьего-нибудь теплаго участія, которое служитъ такою драгоцѣнной и незамѣнимою поддержкой въ черные дни житейскихъ испытаній, онъ, уже вывихнутый неестественною обстановкой дѣтства, вокругъ себя не видѣлъ; а военная служба, при тогдашнемъ ея характерѣ, положительно не могла перестроить его морально къ лучшему и развѣ была въ состояніи выдѣлать изъ него только исправнаго фронтовика, да и то если-бъ онъ оказался къ этому способнымъ. Однимъ словомъ, нашъ импровизированный воинъ попалъ совсѣмъ не въ свою колею: жутко и сиротливо почувствовалось ему въ новомъ житьѣ. Понятно, что всѣ, власть имѣвшіе, относились къ нему безъ всякаго послабленія, изъ страха давать въ чемъ-нибудь поблажку разжалованному студенту-вольнодумцу, о которомъ состоялось особое повелѣніе; а слѣдовательно, съ человѣкомъ все-таки умственно-развитымъ и значительно превосходившимъ своею образованностью отцовъ-командировъ, эти господа обращались не лучше, какъ и съ каждымъ рядовымъ, хотя впрочемъ безъ посредства тѣхъ общеупотребительныхъ,—специфическихъ, такъ-сказать,—инструментовъ солдатской выучки, что назывались «палочьемъ»... Нужно помнить, что вообще армейскія войска были наводнены тогда полковниками Скалозубами, уже конечно не погрѣшавшими въ пристрастіи къ «университантамъ» и «стихоплетамъ»; стало-быть можно себѣ представить, какъ пристально слѣдили они за тѣмъ, чтобы попавшійся въ ихъ начальническія руки одинъ изъ *этакихъ* не баловался и теръ-бы солдатскую лямку вѣрою и правдою....

И бѣднякъ тёръ эту лямку, задыхаясь въ тискахъ казарменной и фронтовой «муштры», то подъ командирскимъ гнетомъ великихъ мастеровъ маршировки, этихъ вдохновенныхъ артистовъ *игры въ noскахъ*, то въ сообществѣ простыхъ сердцемъ, но грубоватыхъ товарищей-ря-

довыхъ [17]). Онъ только отводилъ душу въ немногіе досужные часы, когда могъ читать книги или кропать свои стихи: занятія, которыхъ онъ никогда не покидалъ и которыя могли-бы спасти его отъ нравственнаго разслабленія, если-бъ, па бѣду, къ нимъ не примѣшивалось и другихъ, менѣе позволительныхъ развлеченій. Старыя привычки брали свое, а имъ помогала еще грызущая душу тоска. Втихомолку онъ или пилъ по ночамъ, или неумѣренно предавался грубѣйшему разврату. Первое изъ этихъ развлеченій не всегда проходило ему даромъ, когда замѣчалось начальствомъ, и, по всей вѣроятности, не способствовало одобрительной о немъ аттестаціи передъ высшею властію, которая обрекла его на искусъ военной службы, что̀ можно предположить изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ жизни несчастнаго поэта.

Въ одной изъ своихъ критическихъ статей Добролюбовъ [18]) такъ изображаетъ тогдашнее его положеніе: «Изъ молодаго, разгульнаго «кружка своихъ товарищей (студентовъ) внезапно попалъ Полежаевъ «въ другой кругъ гораздо болѣе грубый, порочный и невѣжественный, «въ которомъ смотрѣли на поэта какъ на преступника и негодяя. Онъ «не хотѣлъ и не могъ подчиниться тому, чему легко подчинялись другіе, «а его заставляли подчиняться.

„Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье“,

«и Полежаевъ ожесточился противъ людей и судьбы. Сначала у него «еще оставался какой-то геній, котораго онъ не называетъ ни добрымъ, «ни злымъ, но который обѣщалъ ему свое покровительство, а потомъ «забылъ его.... Полежаевъ съ довѣрчивостью ждалъ его помощи, и надежда на этого генія поддерживала его въ постоянной борьбѣ съ «обстоятельствами. Утомляясь борьбою, онъ восклицалъ:

„Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ на полѣ битвы,
Курилъ свой чистый ѳиміамъ,

---

[17]) Юнкера́ изъ дворянъ и молодые офицеры (какъ мы слышали) сторонились отъ него, по внушенію начальства, которое не совѣтовало якшаться съ нимъ.

[18]) Сочиненія Н. А. Добролюбова, изданіе 2-е (1871 г.), т. 1-й, стр. 427—434.

И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужъ готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня, и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія..."

Прошло такимъ образомъ два года,—два томительныхъ, убійственно-длинныхъ года. Положеніе Полежаева не измѣнялось, и онъ продолжалъ таскать свой бѣлый ремень. Наконецъ, постоянно храня въ памяти милостивое напутственное слово Государя, который дозволилъ писать къ себѣ въ извѣстномъ случаѣ, Полежаевъ рѣшился воспользоваться этимъ дозволеніемъ и послать на высочайшее имя письмо съ просьбою о помилованіи. (Это было въ 1828 году). Отвѣта не послѣдовало, или вслѣдствіе забранныхъ справокъ о небезукоризненномъ поведеніи просителя, или, можетъ-быть, просто потому, что въ адресной надписи на пакетѣ упущено было обозначить по установленному правилу: чрезъ посредство какого учрежденія направлялась просьба, для всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству, т.-е. Третьяго-ли Отдѣленія, Коммиссіи-ли Прошеній, или Главнаго Штаба? Послѣ довольно долгаго и напраснаго ожиданія, Полежаевъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отправилъ другое письмо къ Государю, которое тоже осталось безъ отвѣта. Тогда онъ предположилъ, что просьбы его не доходятъ и, въ этой увѣренности, принялъ безумное рѣшеніе, какое могло придти только въ голову маніака, разгоряченную болѣзненно-неотступнымъ стремленіемъ къ одной цѣли: онъ задумалъ самовольно отлучиться, собственно для того, чтобы лично подать Государю новую просьбу,—и бѣжалъ изъ полка. Но и тутъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ не съумѣлъ быть осторожнымъ: въ Москвѣ видѣлся и пировалъ съ угощавшими его пріятелями, что̀, конечно, не могло сохраниться въ тайнѣ, и въ Твери былъ задержанъ. Оттуда его, какъ бѣглаго солдата, отправили въ полкъ пѣшкомъ и въ кандалахъ. Тотчасъ наряжена была военно-судная коммиссія, а пока производилось дѣло, арестантъ содержался закованнымъ-же въ тюремномъ отдѣленіи гауптвахты, при Спасскихъ казармахъ. Ужасъ его тогдашняго положенія переходилъ всякую мѣру: во всемъ существованіи несчастнаго не пролегало полосы мрачнѣе этой. Необходимо замѣтить, что подсудимый, благодаря своему побочному родопроисхожденію, числился рядовымъ *не изъ дворянъ,* а потому не имѣлъ права на изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія. Ему приходилось навѣрняка ожидать себѣ прогулки по «зеленой улицѣ»,—или, иначе, прогнанія сквозь строй, чѣмъ обыкновенно наказывались дезер-

тиры не изъ привиллегированныхъ сословій.... Полежаевъ изнывалъ въ мукахъ безнадежнаго ожиданія, и всѣ томленія истерзанной ими души вылились въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ [19]), изъ которыхъ особенно въ одномъ, доселѣ не вполнѣ изданномъ, извѣстномъ въ рукописи подъ заглавіемъ «Арестантъ», слышится страшный вопль безвыходнаго отчаянія, наканунѣ неизбѣжной гибели. Мы считаемъ возможнымъ привести здѣсь отрывки этого стихотворенія въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ они были напечатаны въ собраніи избранныхъ сочиненій Полежаева, изданномъ въ 1857 г. Пьеса эта написана въ формѣ посланія къ лучшему другу поэта, А. П. Лазовскому (о которомъ мы поговоримъ послѣ), и помѣчена 1828-мъ годомъ.

Спасскія казармы.

„Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой о чемъ.
Увы! Старинный даръ стиховъ
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
Поэтъ плѣнительныхъ страстей
Сидитъ на привязи звѣрей,
Красотъ атласныхъ не поетъ
И чуть по-волчьи не реветъ....
Броня сермяжная да штыкъ—
Удѣлъ того, кто былъ великъ
На полѣ перьевъ и чернилъ.
Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ
Главу достойную вѣнка,
И Чайльдъ-Гарольдова тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого....
Но на призывный, дружній гласъ
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще до смерти согрѣшу
И листъ бумаги испишу.
Прочти его и согласись,
Что средства если нѣтъ спастись
Отъ угнетеній и цѣпей,
То жизнь страшнѣе ста смертей,
И что свободный человѣкъ
Свободно долженъ кончить вѣкъ....

---

[19]) Таковы пьесы: „Осужденный“, „Пѣснь погибающаго пловца“, „Ожесточенный“, „Живой мертвецъ“, „Цѣпи“. Всѣ онѣ напечатаны, но первая изъ нихъ только по смерти автора.

Злой опытъ.........
Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
И ясно, ясно доказалъ,
Что добродѣтель есть мечта....
Въ столицѣ Русскихъ городовъ,
Гробницъ, монаховъ и поповъ,
На славномъ валѣ земляномъ,
Стоитъ страннопріимный домъ.
Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой
Кругомъ обстроенный, большой,
И этотъ домъ извѣстенъ намъ
Въ Москвѣ подъ именемъ казармъ.
Въ казармахъ этихъ тьма людей...
А на огромномъ томъ дворѣ
Издавна выдолблено дно,—
Иль гауптвахта,—все равно.
И дна того на глубинѣ
Еще другое дно въ стѣнѣ
И называется—тюрьма.
Въ ней сырость страшная и тьма,
И проблескъ солнечныхъ лучей
Сквозь окна слабо свѣтитъ въ ней;
Растресканный кирпичный сводъ
Едва-едва не упадетъ
И не обрушится на полъ,
Который снизу, какъ Эолъ,
Тлетворнымъ воздухомъ несетъ
И съ самой вѣчности гніетъ....
Въ тюрьмѣ жертвъ на пять или шесть
Рядъ малыхъ наръ у печки есть,
И десять удалыхъ головъ,
Судьбы отверженныхъ сыновъ,
На малыхъ нарахъ тѣхъ сидятъ,
И кандалы на нихъ гремятъ....
И на доскѣ, что у окна
На двухъ столбахъ утверждена,
Броней сермяжною одѣтъ,
Лежитъ вербованный поэтъ.
Броня на немъ, броня подъ нимъ,
Какъ вѣрный другъ всегда лежитъ,
И согрѣваетъ и хранитъ....
Кисетъ съ негоднымъ табакомъ
И полновѣснымъ пятакомъ
На необтесанномъ столѣ
Лежитъ у узника въ углѣ.
Здѣсь онъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Обезображенъ какъ скелетъ,
Съ полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской!...
Здѣсь триста шестьдесятъ пять дней,
Въ кругу Платоновыхъ людей,
Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
И долю горькую клянетъ!...

Онъ не живетъ уже умомъ:
Душа и умъ убиты въ немъ;
Но какъ бродячій автоматъ,
Или безчувственный солдатъ,
Штыкомъ рожденный для штыка.
Онъ дышетъ жизнью дурака:
Два раза на день ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ отдаетъ!....
Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ:
Безумнымъ радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ,
И слезы крупныя блестятъ,
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой
Несчастный видитъ, ловитъ вновь—
Опять поетъ, опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ!
Онъ къ ней стремится, онъ летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ....
Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ—
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,
Унесъ души его обманъ!
Такъ жнецъ на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ,
И замеръ серпъ въ его рукахъ!
Надежду, радость—все взяла
Молніеносная стрѣла!....

Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ море брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ,
Онъ увядаетъ въ тишинѣ....
Участье вѣрное друзей,
Которыхъ шумные рои,
Подъ ложной маскою любви,
Всегда готовы для услугъ,
Когда есть денежный сундукъ.
Или подобное тому,—
Не въ тягость болѣе ему:
Изъ ста знакомыхъ щегольковъ,
Большаго свѣта знатоковъ,
Никто ошибкою къ нему
Не залеталъ еще въ тюрьму.
Да и прекрасно!... Для чего?
Тамъ ни вина нѣтъ,—ничего!

Чутье животныхъ, модный тонъ,
Или приличія законъ:
Вотъ тайна дружественныхъ узъ;
А нѣжность сердца, тонкій вкусъ,—
Причина важная забыть
Того, кто слезы долженъ лить....
„Ахъ, какъ онъ жалокъ, quelle misère!
„Какъ потерялся онъ, mon cher!“
Лепечетъ милый фанфаронъ,—
И долгъ пріязни заплаченъ!....
Зачѣмъ пенять? Они умны,
Ихъ разсужденія вѣрны:
Такъ должно было; напередъ
Судьба намъ сдѣлала разсчетъ!
Имъ наслажденіе дано,
А мнѣ страданье суждено!...
И правы—мрачный фаталистъ
И всѣмъ довольный оптимистъ:
Система звѣздъ, прыжокъ сверчка,
Движенье моря и смычка, —
Все воля творческой руки ...
Или одинъ свирѣпый рокъ
Въ пучину бѣдъ меня завлёкъ?....
Такъ пусть-же тягостной руки
Меня снѣдающей тоски,
Въ угодность вѣтренной судьбѣ,
Не испытаютъ на себѣ;
Страдальца давняго покой
Постыдной зависти чертой
Чужаго счастья не смутитъ!....
Коснется-ль звукъ моихъ рѣчей
Твоихъ обманутыхъ ушей?
Узришь-ли ты, прочтешь-ли ты
Сіи правдивыя черты?....
Поймешь-ли ты, какъ мудрено
Сказать душѣ: все рѣшено!
Какъ тяжело сказать уму:
Прости мой умъ, иди во тьму!
Но что? Къ чему напрасный гнѣвъ?
Онъ не сомкнетъ Молоха зѣвъ:
Безсиленъ звукъ въ моихъ устахъ,
Какъ мечъ въ заржавленныхъ ножнахъ!...
И я въ тюрьмѣ.... Ватага спитъ
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ;
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой.
Вблизи усталый караулъ,
Кто какъ умѣетъ прикорнулъ,—
На гауптвахтѣ тишина....
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца!
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,

Въ часы полуночныхъ пировъ
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой,
Передъ дѣвицей молодой,
Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
И блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ возліяній и друзей,
Въ рукахъ едва-ль полу-людей?
Не онъ-ли свѣжесть раннихъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ-лч розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ
Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... Нѣтъ его... ударь
Поблекшимъ тирсомъ въ твой алтарь!
Пролей вгчо изъ томныхъ глазъ!
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ;
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
Эванъ, эвоэ, славный Вакхъ!
Какъ разумъ скучный на пирахъ!....
  А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокій образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О Струйскій! Можешь-ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго, простить?..
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . .
. . . . . еще моимъ отцомъ
Хочу назвать тебя — зову,
И на покорную главу,
За преступленія мои,
Прошу прощенія любви . . . .
Прости меня — моя вина
Ужасной местью отмщена! . .
Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной—
Я вижу . . . .
. . . . . . мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ. . . .
Мой брошенъ трупъ на снѣдь червимъ,
И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы—
Жильца ничтожества и тьмы!...“

Уныло и тяжко тянулись въ тюрьмѣ дни безнадежнаго колодника, ихъ накопилось болѣе чѣмъ на цѣлый годъ съ начала производства

дѣла. Наконецъ, онъ узналъ сентенцію военнаго суда, въ которой и прежде не могъ сомнѣваться: его приговорили къ шпицрутену. Но приговоръ этотъ (вѣроятно какъ о бывшемъ студентѣ университета) былъ предварительно представленъ на Высочайшее усмотрѣніе. Полежаевъ не разсчитывалъ на помилованіе. Въ несчастномъ потерялась уже вѣра и въ Промыслъ, и въ счастіе: давно и упорно залегла въ немъ дума о самоубійствѣ, и онъ твердо рѣшился предупредить имъ позорное, варварское наказаніе. Долго отыскивая въ тюрьмѣ какое-нибудь острое орудіе, онъ довѣрился одному старому солдату, который его любилъ. Тотъ понялъ арестанта и оцѣнилъ его желаніе. Когда старикъ провѣдалъ, что царское рѣшеніе получено (какое имено—онъ не зналъ), то принесъ Полежаеву штыкъ и, отдавая, сказалъ сквозь слёзы: «я самъ отточилъ его...»

Но судьба спасла на этотъ разъ страдальца. Государь, отмѣнивъ сентенцію военнаго суда, помиловалъ Полежаева отъ назначеннаго ему наказанія. Тогда-то (повторимъ мы слова г. Гербеля) Полежаевъ, словно прозрѣвшій слѣпецъ, излился въ задушевныхъ стихахъ [20]):

„Я погибалъ—
Мой злобный геній
Торжествовалъ... (и проч.)

Между-тѣмъ, на основаніи высочайшей конфирмаціи, Полежаева перевели въ войска Кавказскаго корпуса [21]). Гдѣ именно онъ тамъ служилъ, намъ точно неизвѣстно; судя-же по нѣкоторымъ Кавказскимъ его стихотвореніямъ [22]), можно заключить, что въ 43 егерскомъ полку, въ линейной ротѣ 1 баталіона. Бо̀льшею частію, служба его проходила подъ главнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Григорія Владиміровича Розена [23]) и въ отрядѣ генерала Вельяминова (Алексѣя

---

[20]) Напечатаны еще при жизни поэта, подъ выразительнымъ заглавіемъ: „Провидѣніе“.

[21]) Немного прежде Полежаева, въ 1829 году, былъ переведенъ изъ Якутска на Кавказъ, рядовымъ-же, ссыльный декабристъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій); слѣдовательно ихъ служба тамъ одновременна. Но мы не знаемъ, имѣли-ли они случай встрѣтиться и познакомиться другъ съ другомъ.

[22]) Поэмы „Эрпели“ и „Чиръ-Юртъ“ изданныя отдѣльною книжкой въ 1832 году. Онѣ не вошли въ число избранныхъ стихотвореній, отпечатанныхъ 1857—1859 г.

[23]) Род. 1776, ум. 1841 г.; генералъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантъ, командовавшій Кавказскимъ корпусомъ и состоявшій въ должности Кавказскаго генералъ-губернатора съ 1831 по 1837 г. Въ этомъ году былъ отозванъ съ Кавказа, по дѣлу о злоупотребленіяхъ, открывшихся въ управленіи, за которыя подпалъ суду зять его, полковникъ князь Дадьянъ, флигель-адъютантъ, впослѣдствіи лишенный этого званія. — Баронъ Е. В. Розенъ—отецъ игуменьи Митрофаніи (бывшей фрейлины двора), получившей въ наши дни извѣстность.

Александровича), при которомъ Полежаевъ участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ противъ Чеченцевъ и, въ 1832 году, былъ наконецъ произведенъ изъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры. Написанныя имъ въ то время стихотворенія почти всѣ помѣчены изъ крѣпости Грозной,—мѣста всегдашней стоянки егерскаго баталіона, гдѣ онъ служилъ.

Что Полежаевъ исполнялъ свой воинскій долгъ не хуже другихъ и, конечно, старался отличиться болѣе многихъ, въ этомъ сомнѣваться нельзя уже потому, что онъ мучительно страстно желалъ улучшить свое положеніе, выбившись изъ нижнихъ чиновъ [24]); но достовѣрно и то, что служба эта была не въ его натурѣ. Военное ремесло досталось ему не по охотѣ, никогда не было его призваніемъ и давно ему опротивѣло. Однообразіе военнаго быта, а въ особенности сознаніе своего подневольнаго, приниженнаго положенія въ незавидной обстановкѣ нижняго чина, удручали его постоянно и тѣмъ болѣе казались ему постылыми, что близкаго выхода изъ этого положенія онъ не чаялъ.... Неохотно, вяло, механически онъ тянулъ долгую канитель лагерно-гарнизонной службы въ крѣпости, да не особенно удовлетворялся и походнымъ житьёмъ во время экспедицій. Неизмѣнно-печальное настроеніе поэта во всю бытность его на Кавказѣ слишкомъ прозрачно сквозитъ въ стихахъ, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ жизни. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки, начиная съ *неизданнаго* посланія къ упомянутому уже здѣсь Лазовскому, подъ заглавіемъ: «Имяниннику»:

„Что̀ могу тебѣ, Лазовской,
Подарить для имянинъ?
Я, по милости бѣсовской,
Очень бѣдный господинъ!
Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ,
Я живу безъ серебра,
И въ шатрѣ моемъ убогомъ
Нѣтъ богатства и добра,
Кромѣ сабли и пера.

---

[24]) См. въ поэмѣ „Чиръ-Юртъ“, стихи:

„Такъ, уничтоженный для жизни,
Послѣдней кровью для отчизны
Я жажду смыть мое пятно.
О, если-бъ нѣкогда оно
Исчезло съ слѣдомъ укоризны!
Не измѣню Царю и долгу!
Лечу за честію вездѣ
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ!... (ч. 1, стр. 79—81.)

Жалко споря съ гнѣвной службой,
Я ни геній, ни солдатъ,
И одной твоею дружбой
Въ долѣ пагубной богатъ!
Дружба—неба даръ священный,
Рай земнаго бытія!
Чѣмъ-же, другъ неоцѣненный,
Заплачу за дружбу я?
Дружбой чистой, неизмѣнной,
Дружбой сердца на обмѣнъ:
Плѣнъ торжественный за плѣнъ!
Посмотри, невольникъ страждетъ
Въ непріятельскихъ цѣпяхъ
И напрасно воли жаждетъ,
Какъ источника въ степяхъ.
Такъ и я, могучей силой
Предназначенный тебѣ,
Не могу уже, мой милый,
Перекорствовать судьбѣ;
Не могу сказать я вольно:
Ты чужой мнѣ, я не твой!
Было время и довольно!...

Но если пріязненныя отношенія къ симпатичному человѣку утѣшали иногда нашего унылаго воина, то всѣ красоты царственно-величавой природы Кавказа, послужившія такимъ неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія для лучшихъ нашихъ поэтовъ, не восторгали въ Полежаевѣ воображенія, охлажденнаго прозою жизни, безотрадной и вытравившей изъ его сердца сочувствіе къ внѣшнему міру. Вѣчно свѣжимъ оставалось въ немъ только сознаніе своихъ бѣдствій, которое нигдѣ и никогда не покидало его. Посмотримъ, какъ онъ высказывается по этому поводу въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ стихотвореніяхъ, на сколько-то̀ допускалось цензурными колодками:

...„Я думалъ также, какъ и ты,
Готовъ былъ цѣлый вѣкъ по свѣту
Искать чудесъ и красоты
Въ природѣ мудрой и премудрой,
Какъ намъ твердитъ ученый хоръ,
И восхищался до тѣхъ поръ,
Пока.......................
............и что-же?
Прошу пройтиться на Кавказъ!...
Я вспомнилъ то, кѣмъ прежде былъ,
Во что Господь преобразилъ,—
И съ миной кислой и унылой
И носъ и уши опустилъ!
Пришедъ сюда, я взоромъ дикимъ
Окинулъ все, что̀ прежде мнѣ
Казалось чуднымъ и великимъ,—

И всѣмъ скучалъ наединѣ,
Въ шуму пировъ и тишинѣ!
Вотъ эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,
Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я по неволѣ,
И вѣрь мнѣ—вижу изъ всего
Уродство, больше ничего!
Быть можетъ, другъ мой, почему-же
Не быть подобному съ тобой?
Поссорясь вѣтренно съ судьбой....
Ты самъ судить умнѣе станешь,
На вѣкъ поклонишься мечтамъ
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорнымъ чудесамъ!

(„*Эрпели*", гл. 2, стр. 22—23.)

Слѣдующіе отрывки изъ тѣхъ-же произведеній дадутъ понятіе какъ о равнодушіи Полежаева къ опасностямъ, грозившимъ его существованію (то отъ холеры въ 1830 г., то отъ пули горцевъ), такъ и о душевной пыткѣ, которою онъ былъ истязуемъ вслѣдствіе отчужденія сослуживцевъ, будто-бы постоянно видѣвшихъ въ немъ человѣка, запятнаннаго своимъ прошлымъ. При этомъ мы должны оговориться, что невольно не довѣряемъ дѣйствительности этого послѣдняго обстоятельства, столь несвойственнаго Русскому характеру, въ которомъ нѣтъ мѣста для злорадно-обвинительныхъ отношеній къ чужой бѣдѣ, будь она даже заслужена,—и полагаемъ, что болѣзненная подозрительность поэта, развитая въ немъ долгими несчастіями, сама изобрѣтала подобіе такихъ неестественныхъ отношеній, подмѣчая всюду небывалые себѣ упреки или мнимыя безмолвныя порицанія. Этотъ выводъ съ нашей стороны тѣмъ ближе къ правдѣ, что вѣдь Полежаевъ никогда не имѣлъ причины укорить себя ни въ одномъ гнусномъ поступкѣ, наносящемъ виновнику неизгладимое клеймо стыда и безчестія. Это былъ просто человѣкъ грѣшный, какъ многіе, очень несчастливый, какъ немногіе, но не преступный передъ страшнымъ судомъ совѣсти....

„Я дни минувшіе ловлю
И, угрожаемый холерой,
Себя мечтательною вѣрой
Питать о будущемъ люблю.
Поклонникъ Музъ самолюбивый,
Я вижу смерть не вдалекѣ,
Но все перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ свой прихотливый:

Сойдя къ отцамъ во слѣдъ другихъ,
Остаться въ памяти иныхъ.
Быть можетъ, завтра или нынѣ,
Не испытавъ Черкесскихъ пуль
Меня въ мучной уложатъ куль,
И предадутъ земной пустынѣ!...
Въ глухой, далекой сторонѣ
Отъ милыхъ сердцу я увяну...
Увидя мой покровъ рогожный,
Никто ни истино, ни ложно,
Не пожалѣетъ обо мнѣ:
Возьмутъ, кому угодно будетъ,
Мои чевяки и бешметъ
(Весь мой багажъ и туалетъ)...
Что жъ будетъ памятью поэта?
Мундиръ?..: Не можетъ быть!... Грѣхи?..
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей плоды
И первой юности проказы....
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ *А* и *П*..
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить....
Ему отвѣтятъ: „*Полежаевъ*“;
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одаренъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ
Укоръ и жалость заслужилъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ—безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ...
Вотъ память добрыхъ о поэтѣ!“

(„*Эрпели*“, гл. 8, стр. 70—72.)

„Пиры кровавые мечей
Провозгласитъ вамъ славы жадный
Пѣвецъ печали и страстей.
Добыча юности безумной
И жертва тягостная дня,—
Я потонулъ въ глуби безбрежной
Съ звѣздой коварною моей....
Всегдашней грустью околдованъ
Наединѣ съ самимъ собой,
Мой умъ бездѣйственъ, духъ окованъ
Цѣпями смерти вѣковой.
Забытый, пасмурный и скучный,
Живу *одинъ среди людей*,
Томимый мукою своей
Вездѣ со мною неразлучной....

Безжалостный, суровый взоръ,
Привѣтъ холодный состраданья, —
Все новой пищей для страданья,
Все новый, вѣчный мнѣ укоръ!..
Однѣ тревоги и волненья,
Картины гибели и зла—
Дарятъ минуты утѣшенья
Тому, кто умеръ для добра!"

(„*Чиръ-Юртъ*" ч. 1, 79—81.)

„Кто силой опыта измѣрилъ
Земнаго блага суеты,
Тому-бъ страдальцу и повѣрилъ
Мои унылыя мечты,
На страшномъ мѣстѣ пораженья,
На трупахъ Русскихъ и враговъ..
Но, ахъ! въ убійственной глуши
Едва-ль я самъ не безъ души!"

(*Тамъ-же*, ч. 2, 107.)

Описывая несвободнымъ перомъ солдата сцены тѣхъ битвъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыя, казалось-бы, могъ изображать только по программѣ усерднаго славословія своихъ побѣдоносныхъ вождей, Полежаевъ, тѣмъ не менѣе, частенько выступалъ изъ тѣсной рамки полуоффиціальнаго пѣснопѣвца генеральскихъ подвиговъ и дерзалъ проговариваться объ нихъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Онъ не умѣлъ скрыть своего глубокаго несочувствія къ кровавому зрѣлищу ожесточенной бойни между себѣ подобными и умолчать о потрясавшихъ его душу впечатлѣніяхъ. Вотъ примѣры, взятые изъ военныхъ поемъ «Эрпели» и «Чиръ-Юртъ»:

„Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,
Гдѣ-бъ люди жили не врагами
Безъ права силы и войны!
О, гдѣ не встрѣтимъ мы способныхъ
Основы блага разрушать?
Но рѣдко, рѣдко намъ подобныхъ
Умѣемъ къ жизни призывать!..
„Да будетъ проклятъ злополучный,
Который первый ощутилъ
Мученья зависти докучной:
Онъ первый брата умертвилъ!
Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый!..
„Бѣжитъ Черкесъ, несомый страхомъ,
За нимъ летучая гроза,—

И смерти лютая коса
Съ своимъ безжалостнымъ размахомъ.
Въ домахъ, по стогнамъ площадей,
Въ изгибахъ улицъ отдаленныхъ
Слѣды печальные смертей
И груды тѣлъ окровавленныхъ.
Неумолимая рука
Не знаетъ строгаго разбора:
Она разитъ безъ приговора
Съ невинной дѣвой старика
И беззащитнаго младенца:
Ей ненавистна кровь Чеченца...
И блещетъ лезвіе штыка!
„Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни и твердыни
И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни,
Предъ нимъ повержены лежатъ:
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣтеръ горный
Красы погибшей стороны, —
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной...
Вездѣ отчаянье и стонъ,
И кровь и смерть со всѣхъ сторонъ!
„О кто, свирѣпою душою
Войну и гибель полюбя,
Равнина бранная, тебя
Обмылъ кровавою росою?
Кто по утесамъ и холмамъ,
На радость демонамъ и аду,
Разсѣялъ ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшіе войны?
Все тихо, мертво надъ волною;
Туманъ и мгла на берегахъ;
Чиръ-Юртъ съ поникшей головою
Стоитъ уныло на скалахъ...
„Приди сюда, о мизантропъ!
Приди сюда въ мечтаньяхъ злобныхъ
Услышать вопль, увидѣть гробъ
Тебѣ немилыхъ, но подобныхъ!
Взгляни, наперсникъ сатаны,
Самоотверженный убійца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны!
Не зришь-ли ты на нихъ печати
Перста невидимой руки,

Запечатлѣвшей стонъ проклятій
Въ устахъ страданья и тоски?..
Смотри на мракъ ужасной ночи
Въ ея печальной тишинѣ,
На закатившіяся очи
Въ полу-багровой пеленѣ.
„Вотъ умирающаго трепетъ:
Съ кровавымъ черепомъ старикъ...
Еще издалъ протяжный лепетъ
Его коснѣющій языкъ...
Духъ жизни вѣетъ и проснулся
Въ мозгу разсѣченной главы...
Чернѣетъ... вздрогнулъ... протянулся—
И нѣтъ поклонника Аллы!..
„Чрезъ долы, горы и стремнины,
Съ челомъ отваги боевой,
Идутъ торжественной тропой
Къ аулу Русскія дружины.
За ними въ слѣдъ—игра судьбы—
Между гранеными штыками,
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.....
„Когда воинственная лира,
Громовый звукъ печальныхъ струнъ,
Забудетъ битвы и перунъ
И воспоетъ отраду мира?
Или задумчивый пѣвецъ,
Обманутъ сладостною думой,
Всегда печальный и угрюмый,
Найдетъ во браняхъ свой конецъ?

(„*Чиръ-Юртъ*“, ч. 2., стр. 107—132.)

Этихъ выписокъ слишкомъ достаточно для обрисовки меланхолическаго настроенія, которое безотвязно преслѣдовало горемычнаго поэта. Не имѣя силъ совладать съ вѣчною тоской душевнаго одиночества,—на многолюдьѣ, надломленный безотрадной жизнью, онъ началъ падать духомъ и...... сталъ пить, какъ бываетъ свойственно Русскому человѣку въ неисходной бѣдѣ-кручинѣ: пить не для веселья, а для того, чтобы забыться, заглушить свое уныніе. Другаго средства подъ рукою не оказалось. Бѣдняку не посчастливилось найти себѣ якоря спасенья въ какомъ-нибудь глубокомъ чувствѣ, охватывающемъ всю душу. Ни подобія теплыхъ семейныхъ связей, ни призрака истинной, сердечной любви къ женщинѣ, никогда онъ не извѣдалъ на своемъ вѣку, по милости исключительныхъ обстоятельствъ, которыя отдаляли его отъ среды, гдѣ могло-бы ему встрѣтиться такое счастье, и всѣ его эротическіе порывы не шли дальше низменныхъ побужденій, какимъ онъ безъ-ýдержу предавался съ молоду и сломилъ рано свои здоровыя силы. «Къ своей

«поэтической извѣстности (говоритъ Бѣлинскій) онъ присовокупилъ «другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, при«чиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти.... Избытокъ «силъ пламенной натуры заставилъ его обожать страшнаго идола—чув«ственность... Душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ «умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями.... «Апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его «пьеса «Гаремъ»... Въ этомъ дифирамбѣ выражено объясненіе ранней «гибели его таланта. Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата», «и, по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновен«ныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ.» Итакъ, вліяніе высокаго, всеобновляющаго чувства любви съ его женственными идеалами, если когда-нибудь и коснулось хотя легкимъ дуновеніемъ до многострадальной души, обуреваемой и житейскими невзгодами, и волненіями нечистыхъ страстей, то уже слишкомъ поздно для нравственной ея переработки. Это прикосновеніе оставило лишь свои слѣды въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ, гдѣ слышится изъ глубины отжившаго сердца тяжелый вздохъ посмертныхъ о себѣ поминокъ.... Мѣста эти изъ сочиненій Полежаева указаны въ критической статьѣ Бѣлинскаго [25]).

По крайней мѣрѣ, иное свѣтлое чувство—дружбы тѣсной и испытанной,—столь рѣдкое для людей дюжинной пробы, далось нашему поэту и озарило своимъ теплымъ свѣтомъ остатокъ его грустнаго земнаго странствованія. Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ юношескихъ отношеніяхъ къ товарищамъ-сверстникамъ, которыя были обыкновенною принадлежностью студенческаго житья: эти легкія отношенія потомъ оборвались мало по малу, выдохлись и совсѣмъ заглохли въ ту черную годину, когда Полежаевъ въ тюремной берлогѣ ждалъ рѣшенія своей участи,—о чемъ онъ самъ съ такою горькою ироніей говоритъ въ стихотвореніи «Арестантъ», не добромъ поминая прежнихъ застольныхъ благопріятелей, забывшихъ узника въ его бѣдѣ. Нѣтъ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о глубокой и трогательной пріязни, соединявшей его съ человѣкомъ, который сошелся съ нимъ еще въ лучшіе дни, и остался неизмѣннымъ ему другомъ и въ несчастнѣйшую пору его жизни. Это былъ нѣкто *Лазовскій, Александръ П.*, къ кому обращены самыя задушевныя посланія и посвященія нѣкоторыхъ лучшихъ стихотвореній Полежаева [26]). Необычайной теплотою и нѣжностью чувства дышетъ въ нихъ каждое слово, а все содержаніе этихъ стиховъ

---

[25]) См. въ собраніи избранныхъ стихотвореній Полежаева (изд. 1857 г.) предпосланную имъ статью Бѣлинскаго, стр. 20—25.

[26]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній объ А. П. Лазовскомъ.

ясно указываетъ на то высокое значеніе, какое имѣла подобная дружба для мученика-поэта. Вспомнимъ, напримѣръ, слѣдующее посвященіе, написанное 7-го Февраля 1832 года въ крѣпости Грозной:

„Безцѣнный другъ счастливыхъ дней,
Вина святаго упованья
Души измученной моей
Подъ игомъ грусти и страданья,—
Мой вѣрный другъ, мой нѣжный братъ,
По силѣ тайнаго влеченья,
Кого со мной не разлучатъ
Временъ и мѣстъ сопротивленья,—
Кто для меня и былъ и есть
Одинъ и все,—кому до гроба
Не очернятъ меня ни лесть,
Ни зависть черная, ни злоба,—
Кто овладѣлъ, какъ чародѣй,
Моимъ умомъ, моею думой,—
Кѣмъ снова ожилъ для людей
Страдалецъ мрачный и угрюмый,—
Безцѣнный другъ: прими плоды
Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
Минутной рѣзвости слѣды
И цѣпь печальныхъ вспоминаній!
  Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
Веселыхъ звуковъ пѣснопѣнья:
Они родятся на устахъ
Пѣвцовъ любви и наслажденья...
Уже давно чуждаюсь я
Ихъ благодатнаго привѣта,
Давно въ стихіи шумной свѣта
Не вижу радостнаго дня;
Пою, разсѣянный, унылый
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилой
Давно утраченные сны.
Одну тоску о невозвратномъ,
Гонимый лютою судьбой,
Въ движеньи грустномъ и пріятномъ,
Я изливаю предъ тобой!
Но ты, понявши тайну друга,
Оцѣнишь сердце выше словъ
И не смѣнишь моихъ стиховъ
Стихами рѣзвыми досуга
Другихъ, счастливѣйшихъ пѣвцовъ“.

Къ Лазовскому-же относятся пьесы (не считая приведенныхъ выше «Арестантъ» и «Имянинику»): особое посланіе, изъ котораго напечатанъ только небольшой отрывокъ въ сборникѣ стихотвореній подъ заглавіемъ

«Кальянъ» [1]), коротенькое посвятительное письмо въ прозѣ при поэмѣ «Чиръ-Юртъ», отъ 25-го Мая 1832 г., и предсмертное посланіе «Чахотка» [2]), о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Безъ сомнѣнія, ободряющее сочувствіе такого добраго друга, какимъ для Полежаева былъ Лазовскій, могло-бы служить не только усладой въ его горькой долѣ, но и нравственно-обуздывающею силой, удерживая его отъ тѣхъ злополучныхъ излишествъ, которыя низводили несчастнаго до полнаго паденія; но, на бѣду, Лазовскій почти всегда находился въ Москвѣ, и разрозненный съ нимъ Кавказскій его другъ, не вынося отчужденности отъ сообщества людей развитыхъ и образованныхъ, пилъ «мертвую».... Что касается родственниковъ его, Струйскихъ, то всѣ они давнымъ-давно отъ него отшатнулись, а дядюшка-благотворитель даже преслѣдовалъ его своею ненавистью [3]), какъ говорятъ, не столько изъ негодованія за предосудительное поведеніе, сколько изъ корыстныхъ (будто-бы) видовъ—завладѣть тѣмъ, что̀ Полежаевъ могъ получить въ наслѣдство отъ отца. Словомъ, тутъ подозрѣвается «исторія» въ томъ-же родѣ, какая нѣкогда разыгрывалась между *Пассеками*,—дядею и племянникомъ, разсказанная въ «Запискахъ» послѣдняго [4]). Можно себѣ представить, что̀ за лишенія переносилъ Полежаевъ, вѣчно непрактичный, вѣчно нуждавшійся и никогда не обезпеченный въ тѣхъ потребностяхъ цивилизованнаго существа, для которыхъ необходимы матеріальныя средства пошире солдатскаго содержанія. Чѣмъ и какъ онъ жилъ по смерти отца, оставившаго свои имущественныя дѣла въ большомъ разстройствѣ, этого мы не вѣдаемъ; но вѣрно то̀, что сынъ нуждался до конца жизни. Говорятъ, будто-бы отцовскіе родичи, ради «очистки совѣсти», изрѣдка присылали ему ничтожные денежные подарки, въ видѣ доброхотнаго даянія; впрочемъ, за достовѣрность и этого обстоятельства ручаться нельзя....

Появлявшіяся въ печати стихотворенія Полежаева нравились читателямъ, но не приносили ему почти никакой денежной выгоды. «Стихи его»,—справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій,—«ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или

---

[1]) Онъ начинается стихами:

> *„И нѣтъ ихъ, нѣтъ! Промчались годы*
> *Душевныхъ бурь и мятежей“.*

[2]) Стихотворенія (избранныя) Полежаева, изд. 1857 г., стр. 159—161.

[3]) См. въ стихотвореніи „Арестантъ“ то мѣсто, гдѣ авторъ обращается къ этому дядѣ съ мольбою о прощеніи.

[4]) Напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., стр. 353, 497 и 577.

безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора: хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ....» Бѣдный поэтъ былъ беззащитною жертвой наглой наживы издателей-шарлатановъ, книгопродавцевъ и журналистовъ,—а потому едва-ли получалъ какую-нибудь плату за свои сочиненія. Въ бо̀льшей части случаевъ, ему либо совсѣмъ ничего не давали, либо удѣляли такъ мало, что эти грошевыя подачки не могли служить замѣтнымъ подспорьемъ къ тощимъ его средствамъ....

Мы уже имѣли поводъ сказать прежде, что стихотворенія Полежаева, отличающіяся въ высшей степени субъективностію содержанія, представляются очень важнымъ и чуть-ли не единственнымъ въ настоящее время источникомъ для біографическихъ изслѣдованій о поэтѣ, для уясненія личнаго его характера и тѣхъ вліяній, подъ давленіемъ которыхъ сложился этотъ характеръ. Только тамъ, въ этихъ тощихъ, сѣренькихъ книжкахъ стиховъ подъ разными заглавіями, мы могли-бы находить ключъ къ изученію его жизни, такъ тѣсно съ ними связанной, такъ видимо на нихъ отразившейся. Вотъ почему слѣдовало-бы тщательно прослѣдить весь ходъ поэтической дѣятельности Полежаева по времени ея проявленія; но, къ несчастію, и тутъ мы встрѣчаемъ препятствіе. Такъ, напр., ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ его стихотвореній пьесы не размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и развѣ рѣдкія изъ нихъ помѣчены какою-нибудь датой. Однако, можно утвердительно сказать, что со стороны эстетическихъ требованій особенно выдаются энергіею выраженія и силою чувства тѣ стихотворенія, которыя написаны въ эпоху тягчайшаго кризиса въ судьбѣ поэта, или въ послѣдовавшее тотчасъ за тѣмъ время горестныхъ воспоминаній и напрасныхъ счетовъ съ невозвратимымъ прошедшимъ [1]).

---

[1]) Въ образецъ, укажемъ на отрывокъ изъ пьесы „Вечерняя Заря", поставленный эпиграфомъ къ критической статьѣ Бѣлинскаго:

„И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою....
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою....
Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что̀ любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь....
Не воскреснетъ она!"

Этотъ періодъ оказывается рѣшительно-лучшимъ въ процессѣ творчества, которое вдохновлялось страданіемъ и всѣми присущими ему душевными движеніями; за то годы Кавказской службы ознаменовались плодовитостью авторства, въ ущербъ качественному достоинству. Въ особенности 1832-й годъ былъ обиленъ стихотвореніями, большею частію слабыми, водянистыми, плохо выдержанными со стороны формы и внутренняго содержанія: упадокъ таланта выразился весьма замѣтно, разумѣется, по причинамъ, уже здѣсь объясненнымъ [1]). Въ томъ-же году появилось и первое собраніе стихотвореній Полежаева, изданное въ Москвѣ, какъ и всѣ прочія (до 1857-го года), съ большою небрежностью.

Наконецъ, въ исходѣ 1832-го года, Полежаеву удалось, вѣроятно не безъ большаго труда, добиться перемѣщенія съ Кавказа въ Москву: по его просьбѣ, онъ былъ переведенъ въ стоявшій тамъ карабинерный полкъ. Конечно, это обстоятельство значительно его утѣшило, по крайней мѣрѣ въ силу извѣстной поговорки: «лучше поздно, чѣмъ никогда». Воспоминанія беззаботной молодости, призывные голоса дорогихъ его сердцу людей, какъ вѣрный другъ Лазовскій, скука службы въ дикомъ захолустьѣ, слишкомъ отдаленномъ отъ центра Россіи, и жгучая потребность спасительной перемѣны общества, вмѣстѣ съ влеченіемъ къ той развитой средѣ, гдѣ всё-таки неугасимо теплился огонекъ мысли и любви къ знанію,—все это давно уже манило нашего поэта въ Москву: тамъ онъ мечталъ зажить болѣе удобною, болѣе разнообразною жизнью, не опасаясь, какъ на Кавказѣ, быть совершенно заброшеннымъ, за-

---

[1]) „Къ этому времени"—говоритъ г. Гербель въ своей біографической статьѣ—„принадлежитъ большая часть стихотвореній Полежаева, исключенныхъ издателями изъ послѣднихъ двухъ изданій его сочиненій, вышедшихъ уже послѣ смерти поэта и хранящихъ на себѣ печать несомнѣннаго упадка таланта въ ихъ авторѣ. Къ этому-же времени относятся: ужасное его стихотвореніе „Къ сивухѣ", раздирающая душу автобіографія „Арестантъ" и пьесы игриваго содержанія: „Первая ночь", „Вечерняя прогулка" и всѣмъ извѣстная пьеса „Четыре націи".—На всё это мы можемъ возразить г. Гербелю, *во-первыхъ*, что „Арестантъ", какъ видно изъ помѣты на многихъ рукописныхъ экземплярахъ этого стихотворенія, написанъ гораздо ранѣе,—именно въ 1828-мъ году, въ Москвѣ, въ Спасскихъ казармахъ, гдѣ тогда сидѣлъ Полежаевъ въ цѣпяхъ, узникомъ тюрьмы при гауптвахтѣ; а *во-вторыхъ*, что ни эта пьеса, ни „Четыре націи" отнюдь не должны быть поставлены на ряду съ слабыми произведеніями, обличающими въ авторѣ упадокъ таланта. Напротивъ: по выразительности, сжатости стиха и горячности чувства въ первой изъ двухъ названныхъ пьесъ, а въ другой—по злому остроумію и неподдѣльному юмору, обѣ онѣ имѣютъ право быть отнесенными къ числу самыхъ удачныхъ. Отрывки изъ стихотворенія „Четыре націи" (начальныя три строфы) помѣщены въ 20-мъ № „Библіографич. Записокъ" 1859 г. и перепечатаны въ упоминаемой нами статьѣ г. Гербеля; нѣкоторыя-же части стихотворенія „Арестантъ" (котораго поэтическое достоинство оцѣнилъ и Бѣлинскій), появились сперва въ Московскомъ журналѣ „Галатея" 1839 г., а потомъ, нѣсколько полнѣе, въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Полежаева, 1857 и 1859 г.—См. также журналъ „Развлеченіе" 1860 г., № 19.

бытымъ гдѣ-то «на краю свѣта». Дѣйствительно, этотъ желанный переходъ поставилъ Полежаева въ нѣсколько-улучшенное положеніе; но долго пользоваться имъ страдальцу не пришлось: его дни были уже сочтены. Въ немъ развилась злая чахотка, послѣдствіе всякаго рода излишествъ, сгубившихъ окончательно его здоровье, и онъ самъ вполнѣ сознавалъ причину своего неизлечимаго недуга. «Вотъ тебѣ, Александръ», писалъ онъ Лазовскому за нѣсколько сутокъ до смерти, «живая картина моего настоящаго положенія»:

...Но горе мнѣ съ другой находкой
Я ознакомился—съ чахоткой,
И въ ней, какъ кажется, сгнію.
Тяжелой мраморною плитой,
Со всей анаѳемскою свитой—
Удушьемъ, кашлемъ—какъ змія
Впилась, проклятая въ меня;
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ,
И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ...
Съ уничтоженіемъ разсудка,
Въ нелѣпомъ вихрѣ бытія,
Законовъ мозга и желудка
Не различалъ во мракѣ я!
Я спалъ душой изнеможенной;
Никто мнѣ бѣдъ не предрекалъ,
И самъ—какъ рабъ, ума лишенный—
Точилъ на грудь свою кинжалъ;
Потомъ проснулся... но ужъ поздно:
Заря по тучамъ разлилась—
Завѣса будущности грозной
Передо мной разодралась....
И что жъ? Чахотка роковая
Въ глаза мнѣ пристально глядитъ,
И, блѣдный ликъ свой искажая,
Мнѣ, слышу, хрипло говоритъ:
„Мой милый другъ! бутыльнымъ звономъ
Ты звалъ меня давно къ себѣ;
И такъ, являюсь я съ поклономъ—
Дай уголокъ твоей рабѣ!
Мы заживемъ, повѣрь, не скучно;
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утѣшать..."

На смертномъ одрѣ Полежаевъ былъ произведенъ въ офицеры, послѣ *двѣнадцатилѣтней* непрерывной службы въ нижнихъ чинахъ.... Это производство явилось горькою насмѣшкой гонительницы-судьбы. Оно застало безнадежнаго больнаго уже при послѣднихъ его минутахъ,

въ лазаретѣ, гдѣ онъ занималъ солдатскую койку, за неимѣніемъ средствъ лечиться дома: на ней онъ пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ, на ней и умеръ 16-го Января 1838 года, 30-ти съ небольшимъ лѣтъ отъ-роду.

Странныя и грустныя случайности все-таки не оставили покойника и послѣ его кончины. Познакомившійся съ нимъ еще въ 1833-мъ году, Герценъ разсказываетъ, что «когда одинъ изъ друзей Полежаева пришелъ просить тѣло для погребенія, никто не зналъ, гдѣ оно; солдатская больница торгуетъ трупами, она ихъ продаетъ въ университетъ, въ медицинскую академію, вывариваетъ скелеты и проч. Наконецъ, пришедшій нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева: онъ валялся подъ другими; крысы объѣли ему одну ногу. Послѣ его смерти издали его сочиненія и при нихъ хотѣли приложить портретъ въ солдатской шинели. Цензура нашла это неприличнымъ, и бѣдный страдалецъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ...» [1]).

Въ кружку немногихъ друзей усопшаго возникла было мысль почтить его могилу какимъ-нибудь памятникомъ; но, кажется, намѣреніе это не осуществилось. Извѣстный археологъ И. П. Сахаровъ (1810—1863) говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Поэтъ Якубовичъ [2]) былъ друженъ съ Полежаевымъ и горячо его любилъ. Помню, какъ онъ хлопоталъ поставить памятникъ на могилѣ Полежаева. За то онъ горько негодовалъ на Струйскаго, считавшагося роднымъ Полежаеву». Очевидно, что этотъ Струйскій былъ сынъ его дяди, Дмитрій Юрьевичъ, современный Якубовичу литераторъ, о которомъ мы уже упоминали выше и который, какъ видно, не утруждалъ себя родственнымъ участіемъ къ обездоленному судьбою своему родичу....

---

[1]) Эта книжка стихотвореній была „Арфа", вышедшая въ Москвѣ въ 1838 году. На приложенномъ къ ней гравированномъ портретѣ малаго формата Полежаевъ дѣйствительно фигурируетъ въ офицерскомъ мундирѣ, котораго никогда не надѣвалъ. Въ томъ-же нарядѣ онъ изображенъ и при позднѣйшемъ изданіи стихотворнаго сборника „Кальянъ", выпущенномъ также въ 1838 г., тогда какъ при двухъ предшествовавшихъ изданіяхъ 1833-го и 1836-го годовъ, онъ представленъ на литографированномъ портретѣ въ унтеръ-офицерскихъ галунахъ. При посмертныхъ-же изданіяхъ избранныхъ стихотвореній (1857 и 1859 гг.), Полежаевъ изображенъ въ солдатской формѣ, которую носилъ большую часть жизни.

[2]) Лукьянъ Андреевичъ Якубовичъ, стихотворецъ 1830-хъ годовъ, сверстникъ по литературѣ Струйскаго, Стромилова, Д. Сушкова, Менцова, Н. Степанова, Мундта, В. И. Соколовскаго и К. Айбулата. Онъ былъ сынъ предсѣдателя Тульской Гражданской Палаты. Стихотворенія Якубовича, часто печатавшіяся въ разныхъ альманахахъ и повременныхъ изданіяхъ, выпущены отдѣльною книжкой въ Спб., 1837 г. Ему же принадлежитъ критическая статья о сочиненіяхъ Полежаева, помѣщенная въ „Сѣверной Пчелѣ" 1832 г. № 222.—Всегдашній безсребренникъ, Якубовичъ умеръ въ крайней бѣдности. Интересныя о немъ подробности изложены въ тѣхъ-же запискахъ Сахарова, напечатанныхъ въ 6-й книжкѣ „Русскаго Архива" за 1873-й годъ.

Къ этимъ, довольно-скуднымъ, подробностямъ прибавлять намъ нечего. Нашъ посильный трудъ заканчивается, и мы сознаемъ его неполноту. Многое изъ добытыхъ для этой статьи справокъ вошло въ нее на основаніи только слуховъ и устныхъ разсказовъ, требующихъ провѣрки, для насъ недоступной. Во всякомъ случаѣ, желательно было-бы вызвать этимъ біографическимъ очеркомъ возможныя поправки и дополненія къ нему отъ лицъ, которыя въ состояніи сообщить ихъ, а въ особенности со стороны современниковъ Полежаева, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо личныя сношенія, если изъ числа этихъ лицъ,—какъ можно надѣяться,—нѣкоторыя находятся еще въ живыхъ.

Еще нѣсколько послѣднихъ словъ. Во главѣ нашей статьи поставлены эпиграфами характеристики Полежаева изъ сочиненій извѣстныхъ въ Русской литературѣ писателей, значительно расходящіяся во взглядахъ на личность и жизнь поэта. Путемъ сопоставленія этихъ взглядовъ съ изложенными здѣсь фактами, читатель можетъ самъ взвѣсить противорѣчащія мнѣнія и безпристрастно опредѣлить, дѣйствительно-ли злополучная жизнь этого человѣка была испорчена непосредственно по его собственной винѣ, при воздѣйствіи превратно-направленной свободной воли; или-же, напротивъ, «Горе-Злосчастіе» досталось ему въ удѣлъ по вліянію случайно-сложившихся, но *свойственныхъ времени*, обстоятельствъ? Мы склоняемся въ пользу послѣдняго убѣжденія, потому-что не видимъ причины считать эту личность за исключительно-призванную на дурной путь уродливыми наклонностями отъ природы, за какое-то чудовище порока, само себя обрекшее на кару и бѣдствіе въ борьбѣ со стройнымъ движеніемъ общественной жизни. Нѣтъ! Въ Полежаевѣ видится живая, пламенная природа, податливая на всѣ страстныя увлеченія, но не вмѣщающая въ себѣ ни одной черты изъ тѣхъ, отъ которыхъ съ негодованіемъ и омерзѣніемъ отвращается всякое честное сердце, пока оно бьется въ груди.

Заключимъ эту статью нѣкоторыми библіографическими указаніями объ изданныхъ сочиненіяхъ Полежаева, какъ при его жизни, такъ и по смерти, не включая въ ихъ перечень разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ и потому не вошедшихъ въ сборники стихотвореній.

1) «*Стихотворенія А. Полежаева*», съ эпиграфомъ: „Honny soit qui mal y pense“ (Montaigne). Въ 12-ю д. л. Москва. 1832. Типографія Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. Цензурное разрѣшеніе за подписомъ С. Аксакова, отъ 12 Января 1832 г. Страницъ: III и 283. На нихъ 54 пьесы, съ посвятительною надписью: «Другу моему А. П. Л.» и относящимся къ нему посланіемъ.

2) «*Эрпели*» и «*Чиръ-Юртъ*». *Двѣ поэмы А. Полежаева.* Съ эпиграфомъ: „Evil be to him that evil thinks". Въ 12-ю д. л. Москва. 1832. Типографія Лазаревыхъ Инст. Вост. яз. — Первая поэма цензурована С. Аксаковымъ 12-го Января 1832 г., а вторая Снегиревымъ, 19-го Августа 1832 г. На первой, раздѣленной на 8 главъ и оканчивающейся на 72-й страницѣ, посвятительная надпись: «Воинамъ Кавказа».—На второй, раздѣленной на 2 пѣсни и начинающейся съ 73-й страницы, краткое посвященіе прозою, въ видѣ письма къ А. П. Л., отъ 25 Мая 1832 г., изъ крѣпости Грозной. Обѣ поэмы занимаютъ всего 132 страницы, нумерованныя сплошь.

3) «*Кальянъ*». *Стихотворенія А. Полежаева.* Въ 12-ю д. л. Москва. 1833. Типогр. Лазаревыхъ И. В. я. Цензурное одобреніе, отъ 29 Сентября 1833 г., подписано И. Снегиревымъ. Съ портретомъ автора, отпечатаннымъ въ литографіи А. Ястребилова, съ дозволенія того же цензора. Всего 16 стихотвореній на 130 страницахъ; двѣ послѣднія (съ примѣчаніями) не нумерованы.

Книжка эта была еще два раза издана, тоже съ портретомъ: въ 1836 г. (въ 12 д. л.) и 1838 г. (въ 16 д. л.).

4) «*Арфа*». *Стихотворенія Александра Полежаева.* Въ 12-ю д. л. Москва. 1838. Типографія В. Кирилова. Цензурный просмотръ, отъ 25-го Ноября *1835 года*, подписанъ М. Каченовскимъ. Съ гравированнымъ (неизвѣстно гдѣ и кѣмъ) портретомъ автора въ маломъ форматѣ. 15 стихотвореній на 115 страницахъ.

5) «*Часы выздоровленія*». *Стихотворенія А. Полежаева* (всего 16). Въ 12-ю д. л. Москва. 1842. Въ типографіи Алексѣя Евреинова. Процензурованы въ С.-Пбургѣ С. Куторгой, 17-го Іюня 1841 г. Съ посвященіемъ (курсивными литерами) А. П. Л.......му, состоящимъ изъ десяти начальныхъ стиховъ неизданной пьесы «Арестантъ», 67 страницъ. Весьма неисправно корректированное изданіе, исполненное съ безчисленными опечатками, неровнымъ, избитымъ шрифтомъ, но на довольно бѣлой бумагѣ, съ каймою кругомъ на каждомъ листкѣ.

6) Въ Московскомъ журналѣ «Галатея» 1839 г. два стихотворенія: «Къ моему генію» и «Людовикъ XVII».

7) «*Стихотворенія А. Полежаева*». Съ литогр. портретомъ автора, снимкомъ его подписи и статьею Бѣлинскаго о его сочиненіяхъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Въ м. 8-ю д. л. Москва. 1857. Типографія Каткова и К°. Цензурное одобреніе отъ 11-го Января 1857 г., за подписомъ Н. Фонъ-Крузе. Всего 62 (отборныхъ) стихотворенія. 210 и III страницъ.

Это лучшее собраніе сочиненій Полежаева отпечатано было вновь тѣми-же издателями въ 1859 году.

8) Въ Московскомъ періодич. изданіи «Библіографическія Записки» 1859 г., № 20,—три первыя строфы стихотворенія: «Четыре націи».

Присоединяемъ къ этимъ свѣдѣніямъ еще указатель рецензій и критическихъ статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о сочиненіяхъ Полежаева, составленный г. Межовымъ:

I. *Кальянъ* и *Арфа*.

1) «Молва» 1833 г., № 145.

2) «Московскій Телеграфъ» 1833 г., ч. 53, стр. 254—256.

3) «Московскій Наблюдатель» 1839 г., годъ V-й, ч. 1, отд. 5, стр. 3—16.

II. *Эрпели* и *Чиръ-Юртъ*.

1) «Московскій Телеграфъ» 1832 г., ч. 46, стр. 566—570.

2) «Сѣверная Пчела» 1833 г., № 69.

3) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1833 г., № 13; стр. 102—104. (Статья NN).

III. *Часы выздоровленія*.

1) «Литературная Газета» 1842 г., № 34; стр. 697—699.

IV. *Стихотворенія*, изданныя въ 1832, 1857 и 1859 годахъ.

1) «Молва» 1832 г., № 71.

2) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1832 г., № 83, стр. 663—664.

3) «Московскій Телеграфъ» 1832 г., ч. 45, стр. 355—359.

4) «Сѣверная Пчела» 1832 г., № 222. (Статья *Л. А. Якубовича*).

5) «Отечественныя Записки» 1842 г., № 5, т. 22, отд. 5, стр. 1—24. (Статья *В. Г. Бѣлинскаго*.)

6) «Современникъ» 1857 г., № 9, т. 65, отд. 4, стр. 1—7. (Статья *Н. А. Добролюбова*.)

7) «Библіотека для чтенія» 1857 г., № 11, т. 146, отд. 6, стр. 1—28. (Статья *А. В. Дружинина*.)

8) «Московскія Вѣдомости» 1857 г., (литературный отдѣлъ) № 94. (Статья *М. Н. Лонгинова*.)

9) «Отечественныя Записки» 1857 г., № 10, т. 114, отд. II, стр. 82—90. (Статья *М. П—б—ва*.)

10) «Сѣверная Пчела» 1857 г., № 180.

11) «Сынъ Отечества» 1857 г., № 38.

12) «Отечественныя Записки» 1859 г., № 10, стр. 86—101. (Статья *Эк. С—тъ*.)

Д. Д. Рябининъ.

Воронежъ.
15 Ноября 1880 г.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.
Петербургъ, кн. маг. И. И. Глазунова.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882

6.

Приложена: Переписка Кристина съ княжной Туркестановой. 1816 годъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ВСТРѢЧА СЪ ПОЛЕЖАЕВЫМЪ.

Письмо къ издателю «Русскаго Архива».

На дняхъ, въ степной глуши, нечаянно попались мнѣ въ руки первыя книги Р. Архива 1881-го года, и съ величайшимъ интересомъ прочла я біографическій очеркъ «Александръ Полежаевъ», Д. Д. Рябинина. На страницѣ 369-й стоятъ слѣдующія слова:

„Желательно было бы вызвать этимъ біографическимъ очеркомъ возможныя поправ-„ки и дополненія къ нему отъ лицъ, которыя въ состояніи сообщить ихъ, а въ особен-„ности со стороны современниковъ Полежаева, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо личныя „сношенія, если изъ числа этихъ лицъ,—какъ можно надѣяться,—нѣкоторыя находятся „еще въ живыхъ".

Выше на стр. 356-й: „Итакъ, вліяніе высокаго, всеобновляющаго чувства любви „съ его женственными идеалами, если когда нибудь и коснулось, хотя легкимъ дунове-„ніемъ, до многострадальной души, обуреваемой житейскими невзгодами и волненіемъ „нечистыхъ страстей, то уже *слишкомъ поздно* для нравственной ея переработки. Это при-„косновеніе оставило лишь слѣды въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ, гдѣ слышится изъ „глубины отжившаго сердца тяжелый вздохъ посмертныхъ о себѣ поминокъ....."

Бѣлинскій говоритъ въ статьѣ своей о Полежаевѣ: „И Полежаевъ пережилъ этотъ „періодъ *идеальнаго чувства*, но уже слишкомъ не во время, какъ мы увидимъ. И по-„тому неудивительно, если не во время и не въ пору явившееся *мгновеніе* было для по-„эта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на ра-„дость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту „страшную, похоронную пѣснь самому себѣ (смотри стихотвореніе: „Черные Глаза"). Эти „Черные Глаза", очевидно, были *важнымъ*, хотя уже и безвременнымъ, *фактомъ* въ жизни Полежаева; скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса—„Грусть".

Повѣсть объ этомъ *мгновеніи*, объ этомъ, по словамъ Бѣлинскаго, *идеальномъ чувствѣ*, *важномъ фактѣ* въ жизни Полежаева, извѣстна одной мнѣ. Позволяю себѣ непривычнымъ перомъ разсказать ее вамъ. Если сочтете этотъ первый опытъ моихъ сѣдинъ достойнымъ помѣщенія въ вашемъ изданіи, предоставляю вамъ на него полное право.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie ewig neu *).

Heine.

---

*) Это старая исторія, но вѣчно остается новою. *Гейне.*

*

Въ 1834-мъ г. мы провели весну и лѣто въ селѣ Ильинскомъ. Родители мои, проживая зиму въ Москвѣ для нашего дѣтскаго образованія, весной уѣзжали всегда въ степное свое имѣніе. Но въ 1834-мъ году, старшій братъ мой готовился поступить въ юнкерскую школу: нельзя было прерывать уроковъ, а между тѣмъ не хотѣли лишить насъ деревенскаго, живительнаго воздуха. Родственникъ нашъ, графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ, предложилъ матери моей свой загородный дворецъ въ селѣ Ильинскомъ, отстоящемъ отъ Москвы въ семнадцати верстахъ. Учители моего брата и мои согласились, за извѣстную плату, пріѣзжать по нѣскольку разъ въ недѣлю въ село Ильинское. Дѣло сладилось.

Не стану описывать прелестнаго Ильинскаго, въ послѣдствіи купленнаго императрицею Маріею Александровной. Москвичамъ хорошо извѣстны эти дивные сады съ тѣнистыми аллеями, эти ковры пестрыхъ душистыхъ цвѣтовъ, этотъ великолѣпный паркъ, раскинутый по живописному берегу Москвы-рѣки. Въ то время по этимъ садамъ разбросаны были красивыя дачи, гдѣ жило отборное общество. Изъ числа его назову графа Буксгевдена съ молодой его женой. Графъ былъ отличный музыкантъ; мелодическіе звуки его скрипки раздавались по вечерамъ; гуляющіе съ восторгомъ къ часто нимъ прислушивались. Тутъ же проводила лѣто А. П. Елагина съ милой дочерью и дѣтьми. Старшій ея сынъ, отъ перваго брака, Кирѣевскій, издавалъ журналъ, который не задолго предъ тѣмъ былъ запрещенъ. Кто знавалъ это почтенное семейство, тотъ никогда не забывалъ всей прелести ихъ сообщества. Елагина къ высокому уму и образованію умѣла присоединять рѣдкую доброту, простоту въ обращеніи и благосклонность къ намъ, дѣтямъ. Всегда скромно одѣтая, съ добродушной улыбкой встрѣчала она насъ, возрастающее поколѣніе, а между тѣмъ самые строгіе и глубокомыслящіе люди искали ея бесѣды и гордились ея вниманіемъ. У нея собирались всѣ знаменитости тогдашней литературы. Я въ то время была очень молода, мнѣ только минуло шестнадцать лѣтъ; но меня влекло къ этой умной, почтенной и доброй женщинѣ, окруженной всеобщимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣвшей такъ снисходительно на наши дѣтскія игры.

Отецъ мой, оставя насъ въ Ильинскомъ, уѣхалъ въ свое степное имѣніе по дѣламъ хозяйства. Но въ Іюнѣ онъ написалъ матери моей, что, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, ѣдетъ въ городъ ***.

чтобъ посовѣтоваться тамъ съ докторомъ. Изъ *** отецъ писалъ матери, что докторъ удержалъ его при себѣ, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ лѣченія, но что онъ не только не скучаетъ въ уѣздномъ городкѣ, а проводитъ время самымъ пріятномъ образомъ. «Въ городѣ ***, писалъ онъ, стоитъ пѣхотный армейскій полкъ, гдѣ служитъ унтеръ-офицеромъ разжалованный поэтъ Полежаевъ. Я познакомился съ полковникомъ и выпросилъ у него дозволеніе взять къ себѣ на квартиру «несчастнаго молодаго человѣка, въ обществѣ котораго время для меня «летитъ незамѣтно. Ведетъ онъ себя безукоризненно».

Далѣе въ письмахъ своихъ отецъ сообщалъ намъ о злополучной судьбѣ Полежаева: какъ за поэму его «Сашка» онъ, бывши студентомъ, схваченъ былъ и приведенъ въ кабинетъ Государя Николая Павловича; какъ тотъ заставилъ его вслухъ читать свою поэму, а онъ неудобныя для чтенія мѣста экспромптомъ замѣнялъ другими стихами; какъ Царь, заподозривъ подлогъ, вырвалъ у него изъ рукъ тетрадь и убѣдился въ справедливости своей догадки. Николай никогда не прощалъ тому, кто дерзалъ его обманывать. Полежаевъ этому обстоятельству приписывалъ всю тщетность просьбъ о его помилованіи. У отца моего Полежаевъ отдыхалъ душевно, писалъ стихи, но большая часть времени проходила въ живыхъ бесѣдахъ. Отецъ мой былъ образованъ и уменъ, самъ на досугѣ писалъ стихи и умѣлъ цѣнить дарованіе и умъ въ молодомъ поколѣніи. Всѣ письма его полны были похвалами поэту, котораго полюбилъ онъ отъ души.

Наконецъ, получаемъ письмо, гдѣ отецъ извѣщаетъ, что чувствуетъ себя хорошо и что на дняхъ пріѣдетъ къ намъ въ Ильинское и привезетъ съ собой унтеръ-офицера, чтобъ обучать старшаго моего брата ружейнымъ пріемамъ, въ виду подготовки къ юнкерской школѣ.

Пріѣзжаетъ отецъ въ концѣ Іюня поздно вечеромъ, когда мы уже всѣ спали. Утромъ рано, на другой день, прибѣгаетъ къ намъ на верхъ мой меньшой братъ, мальчикъ десяти лѣтъ, и говоритъ намъ въ большомъ волненіи:

— Какого страннаго унтеръ-офицера папа привезъ съ собой!

— Что жъ въ немъ страннаго?

— Да онъ не похожъ вовсе на солдата!

— Чѣмъ же?

— Il a un regard d'aigle! (У него орлиный взглядъ).

Мы съ меньшой сестрой разсмѣялись надъ мальчикомъ и надъ воображаемымъ орлинымъ взглядомъ унтеръ-офицера.

— Что ты вздоръ мелешь! Какой такой орлиный взглядъ?

По я ихъ столько презираю,
Что даже слушать не хочу
И что̀ про Сашку вновь узнаю,
Ей-ей ни въ чемъ не умолчу."

Такъ проходили дни за днями. Ровно три года протекло съ тѣхъ поръ, какъ Полежаевъ носилъ званіе студента Московскаго университета, и почти всѣ эти годы были посвящены,—говоря его-же языкомъ, на ревностное служеніе Бахусу, Момусу и Венерѣ, при чемъ также не забывались и частыя жертвоприношенія Фебу, богу поэзіи. Наконецъ, надъ усерднымъ ихъ поклонникомъ внезапно разразилась грозовая туча, навлеченная не самымъ его поведеніемъ, а тою поэмой-пародіей, въ которой онъ изображалъ свои вакханаліи. Шуточное описаніе факта оказалось болѣе преступнымъ, чѣмъ самый фактъ, и не будь этой несчастной поэмы, участь Полежаева не была-бы хуже той, какая пришлась на долю многихъ его товарищей-собутыльниковъ, повидимому избѣгнувшихъ всякой напасти.... Но жизнь бѣднаго поэта съ этой именно поры принимаетъ окраску трагическую.

Бѣда нагрянула на его голову нежданно-негадано. Это случилось въ 1826-мъ году. То было мрачное время, послѣдовавшее за событіями 14-го Декабря, время повсемѣстныхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ и тому подобныхъ предупредительныхъ или карательныхъ мѣръ, вызывавшихся доносами, изслѣдованіями и подозрѣніями правительственной власти, встревоженной недавними происшествіями. Слѣды открытыхъ въ нихъ политическихъ замысловъ и аналогичнаго съ ними настроенія умовъ неутомимо розыскивались всюду и въ особенности среди молодаго поколѣнія интеллигентныхъ классовъ общества, хотя собственно университетскіе питомцы нигдѣ и ничѣмъ себя не заявили въ томъ движеніи, которое послужило поводомъ для этихъ розысковъ. Паника овладѣла, однако, учащимся людомъ, и каждый старался снять съ себя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ благонадежномъ образѣ мыслей. Такъ было и съ Полежаевымъ. Повинуясь чувству самосохраненія, да вѣроятно и совѣтамъ опытныхъ доброжелателей, онъ попробовалъ настроить свою лиру на торжественно-патріотическій тонъ, совершенно ей несвойственный, какъ это свидѣтельствуется двумя плохими, крайне-напыщенными стихотвореніями: «Въ память благотвореній императора Александра 1-го Московскому университету» и пьесою «Геній». Изъ нихъ первое было публично произнесено въ годовщину основанія университета, 12-го Января, а второе читано въ торжественномъ годичномъ собраніи университета, 3-го Іюля 1826-го года. Впрочемъ, эти оффиціальныя изліянія казенно-патріотическихъ чувствъ автора нимало не пригодились ему на черный день, какъ увидимъ далѣе.

между прочимъ: «Въ водахъ полусонныхъ играла луна»... Писалъ своего Коріолана, лучшія мѣста котораго не дозволены цензурой. Написалъ «Божій Судъ», и вотъ по какому случаю. У отца были связи въ Петербургѣ; онъ надѣялся испросить другу своему облегченіе участи; съ этой цѣлью онъ сказалъ Александру Ивановичу:

— Напишите мнѣ что-нибудь такое, что̀ бы я могъ при письмѣ послать графу Бенкендорфу.

Полежаевъ написалъ «Божій Судъ», который тогда почему-то озаглавилъ «Тайный голосъ». Отцу понравились стихи.

— Но вы, Александръ Ивановичъ, не можете ли прибавить, подъ конецъ, что-нибудь въ родѣ просьбы о прощеніи?

На это Полежаевъ рѣшительно отказался.

— Я противъ Царя ни въ чемъ не виноватъ, просить прощенія не въ чемъ.

Какъ ни умолялъ, ни уговаривалъ его отецъ, ничего съ поэтомъ сдѣлать не могъ: онъ остался непреклоненъ. Тогда отецъ самъ приписалъ три строфы въ заключеніе и принесъ мнѣ оба стихотворенія.

— Неловко, говоритъ, послать стихи въ этомъ видѣ; почеркъ разный въ началѣ и на концѣ.

Я тотчасъ вызвалась переписать все стихотвореніе лучшимъ своимъ почеркомъ и радостно припрятала оба автографа, которые до сихъ поръ у меня хранятся. Вотъ эти стихи

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

Есть духи зла—неистовыя чада
Благословеннаго Отца;
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній Перстъ
Изъ тьмы вѣковъ эфиръ одушевленный
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ;

Когда Творецъ торжественное слово
Въ премудрой благости изрекъ:
„Да будетъ прахъ—величія основой!"
И всталъ изъ праха человѣкъ...

Тогда Ему—свѣтлы, необозримы,
Хвалу воспѣли небеса,

И юный миръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь—волшебная краса....

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ Іорданскія струи,
Вокругъ Его, Властителя Святаго,
Вились Архангеловъ рои.

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ трепещущимъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ,
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ!.... Могучая десница
Подъяла молнію и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ.

И плачъ, и стонъ, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытія;
И отказалъ въ надеждѣ примиренья
Ему правдивый Судія.

Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ,
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы:
Они противны небесамъ;
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ.

А. Полежаевъ.

Но нѣтъ! Кто снялъ завѣсу Провидѣнья?
Кто цѣль Всевышняго постигъ?
Уже ли Онъ не можетъ для прощенья
Быть столько жъ благъ и столь великъ?

О Боже! И во мнѣ среди страданій
Надежды пламень не погасъ.
Твердитъ душѣ глаголъ предвозвѣщаній:
„Твоей отрады придетъ часъ!“....

Быть можетъ и меня, во мглѣ атомовъ,
Воспомнитъ Царь во дни щедретъ,
И надъ главой моей —мечу законовъ:
„Пощада, милость!“ изречетъ!

***

С. Ильинское, 1834 г. Іюля 8-го.

Письмо, съ переписанными стихами, тутъ же отправлено было къ графу Бенкендорфу.

Но и эта послѣдняя попытка спасти поэта-страдальца не увѣнчалась успѣхомъ. «Видно, такъ на роду ему было написано».

Стояли тогда у насъ дни ясные, чудные. Подобнаго лѣта не припомню. Утромъ всякій изъ насъ занимался дѣломъ, но съ обѣда до полуночи мы всей семьей, а съ нами и Александръ Ивановичъ, гуляли по садамъ и по прелестнымъ окрестностямъ Ильинскаго. Во время прогулокъ, братья ни на шагъ не отходили отъ Полежаева. Мы всѣ жадно прислушивались къ его разсказамъ. Онъ говорилъ о Кавказѣ, о набѣгахъ Чеченцовъ, о своихъ походахъ, о томъ, какъ онъ съ товарищами-солдатами на плечахъ перетаскивалъ черезъ горы тяжелыя орудія, пушки, а между тѣмъ направленныя на нихъ изъ-за скалъ мѣткія пули Черкесовъ на-вѣрняка выбирали свои жертвы. Онъ разсказывалъ просто, безъ хвастовства, безъ напыщенности, не билъ на эффектъ, и каждое слово дышало правдой и умомъ. А между строкъ сколько слышалось невысказанныхъ страданій, лишеній, горя... Это было въ 1834-мъ году. Для насъ, юношей и дѣтей, все это было тогда ново, исходя изъ устъ очевидца; мудрено ли, что мы увлекались этими разсказами?

Иногда, въ свѣтлыя лунныя ночи, мы всѣ катались на лодкѣ по Москвѣ-рѣкѣ. Братья и Александръ Ивановичъ попеременно гребли; я сидѣла на рулѣ, сестра меньшая и гувернантка помѣщались на скамейкахъ. Разъ, посреди рѣки, на глубокомъ мѣстѣ, я увидала прелестную бѣлую кувшинку и вскрикнула отъ восторга. Полежаевъ перегнулся весь черезъ бортъ, лодка сильно покачнулась въ его сторону. У меня замерло сердце. Но онъ вскорѣ поднялся и подалъ мнѣ сорванную кувшинку съ плавучимъ ея зеленымъ листомъ. Этотъ засушенный листъ и теперь покоится въ завѣтной старой тетради.

Родные отъ меня не скрыли изъ бурной жизни Полежаева то, что̀, при строгомъ нашемъ воспитаніи, можно было сказать дѣвушкѣ моихъ лѣтъ, т.-е. знала я лишь одну половину несчастныхъ наклонностей, испортившихъ его жизнь и преждевременно сведшихъ его въ могилу. Но и одной половины было достаточно, чтобъ убѣдить меня, что общая будущность для насъ немыслима. Семья, общество, самъ разсудокъ непреодолимой преградой раздѣляли насъ. На что̀ мнѣ было будущее? Я полной жизнью жила настоящимъ.

Думы дѣвичьи, завѣтныя,
Кто васъ можетъ разгадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.

Эта идилія продолжалась двѣ недѣли. Пятнадцать только чистыхъ, ясныхъ дней во всей жизни многострадальца-поэта!

Полежаевъ былъ отпущенъ на срокъ, за порукою моего отца. Срокъ насталъ. Отецъ, привыкшій съ малыхъ лѣтъ къ военной дисциплинѣ, былъ неумолимъ. Ѣхать надо. При прощаніи, когда мы всей семьей провожали Полежаева, онъ подалъ мнѣ на память ту книжку Гюго, изъ которой всегда дѣлалъ переводы. Въ ней былъ сложенный листокъ бумаги; и та и другое хранится у меня до сихъ поръ. Вотъ эти стихи: они нигдѣ не напечатаны.

Зачѣмъ хотите вы лишить
Меня единственной отрады
Душой и сердцемъ вашимъ быть
Безъ незаслуженной награды?
Вы наградили всѣмъ меня,
Улыбкой, лаской и привѣтомъ,
И если я ничто предъ цѣлымъ свѣтомъ,
То съ этихъ поръ—я дорогъ для себя.
Я не забуду васъ въ глуши далекой,
Я не забуду васъ въ мятежной суетѣ.
Гдѣ бъ ни былъ я, вездѣ съ тоской глубокой
Я буду помнить васъ, вездѣ!

Первое четырехстишіе относится къ тому, что мы, дѣти, зная стѣсненныя обстоятельства уѣзжающаго, сдѣлали складчину изъ нашихъ маленькихъ сбереженій и дали ихъ отцу, чтобъ онъ присоединилъ ихъ къ своей лептѣ, но съ тѣмъ, чтобъ Полежаевъ не зналъ, отъ кого

именно идетъ эта помощь. Но, видно, отецъ проговорился. Полежаевъ, хотя положительно терпѣлъ нищету, но былъ до крайности гордъ и деликатенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Отецъ долго не могъ его уломать и уговорить принять отъ него пособіе. Честность его доходила до щепетильности. Онъ тогда только согласился что либо принять отъ отца моего, когда самъ полюбилъ его какъ друга. Но, не смотря на ихъ близость, никогда Полежаевъ не говорилъ ему о своихъ родныхъ. Часто отецъ заговаривалъ съ нимъ на эту тему, но онъ всегда отвѣчалъ уклончиво и перемѣнялъ разговоръ. Мы не знали, ни кто онъ, ни какого онъ происхожденія. Прочитавъ «Очеркъ» Д. Д. Рябинина, я поняла причину молчанія Полежаева. Замѣчательно то, что человѣкъ, такъ явно всю жизнь шедшій въ разрѣзъ съ законами общества, такъ упорно ими пренебрегавшій, стыдился своего происхожденія. Въ этомъ, по видимому, противорѣчіи чувствуется врожденное, свыше внушенное желаніе видѣть безукоризненными тѣхъ, уваженіе къ кому повелѣвается и природою, и божественною заповѣдью. Почему же онъ родителей укорялъ въ томъ, чтó самъ не только считалъ позволительнымъ, но даже воспѣвалъ въ продолженіи почти всей своей жизни? Нѣтъ, видно, истина одна и неизмѣнна, и какъ бы ни палъ высокій духъ, но онъ безсознательно стыдится порока и въ глубинѣ своей сознаетъ величіе того, чтò мы называемъ добродѣтелью.

Подъ портретомъ, мною рисованномъ, Александръ Ивановичъ написалъ слѣдующее шестистишіе:

Судьба меня въ младенчествѣ убила,
Не зналъ я жизни *тридцать лѣтъ*,
Но ваша кисть мнѣ вдругъ проговорила:
„Возстань изъ тьмы, живи, поэтъ!“
И разцвѣла холодная могила,
И я опять увидѣлъ свѣтъ.

*

Ни Полежаева, ни Ильинскаго я больше не видала. Нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, наступила непогода; мы возвратились въ душную Москву, къ прозѣ обыденной жизни; хуже того: мы узнали, что неисправимый грѣшникъ не возвратился въ полкъ свой, а пропалъ, поглощенный вѣроятно трущобами столицы. Впрочемъ это одно предположеніе; какъ и куда онъ изчезъ, никогда я не узнала. Но на нашу квартиру явился присланный полковникомъ фельдфебель, чтобъ отыскать бѣглеца. Этому солдату мой старшій братъ показалъ рисованный мной портретъ Александра Ивановича: онъ его тотчасъ призналъ.

Отецъ мой очень разсердился, узнавъ, что Полежаевъ поставилъ его въ такое щекотливое положеніе: онъ взялъ его съ собой безъ отпуска, за своей порукой, на честное слово.... Чтó скажетъ онъ полковнику? Не знаю, какъ это дѣло уладилось.

Недолго послѣ этого грустнаго заключенія нашихъ ясныхъ дней, старшій братъ сообщилъ мнѣ по секрету, что слышалъ отъ своего учителя студента, что Полежаевъ написалъ новое стихотвореніе «Черные Глаза» и что оно написано для меня. Я, конечно, объ этомъ молчала. Не знаю, какимъ образомъ это сообщеніе дошло до отца, который страшно разсердился на брата и при мнѣ жестоко сталъ его распекать.

— «Какъ смѣлъ ты подобный вздоръ выдумать? «Черные Глаза» *не* написаны и *не* могли быть написаны на твою сестру! Ces vers sont une horreur!» *) прибавилъ онъ съ негодованіемъ.

Братъ смолчалъ, но когда мы остались съ глазу на глазъ онъ мнѣ вновь подтвердилъ, что знаетъ *навѣрное*, что «Черные Глаза» написаны для меня и что учитель говоритъ, что стихи *очень* хороши.

«Учитель говоритъ: стихи хороши», подумала я, а отецъ о нихъ «отзывается, que c'est une horreur! Чтó бы это значило?» Но такъ и осталась я при своемъ недоумѣніи.

Вѣроятно и учителю досталась головомойка, и позаботились о томъ, чтобъ horreur не попалась мнѣ на глаза. Это несчастное стихотвореніе, которое я прочла нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ печати, по всей вѣроятности причина тому, что съ тѣхъ поръ домъ нашъ на вѣки былъ закрытъ для бѣднаго грѣшника. Отецъ мой вѣроятно не прерывалъ съ нимъ сношеній: но, въ моемъ присутствіи, никогда о немъ не упоминали. Старшаго брата увезли въ Петербургъ въ юнкерскую школу; не у кого было мнѣ и узнать, чтò сталось съ несчастнымъ поэтомъ. У родныхъ я боялась спросить, чтобъ не услыхать непріятнаго о немъ отзыва, чтò было бы для меня хуже самой неизвѣстности.

Чтоже дальше? спросите вы, можетъ быть. Геніальное перо Пушкина мѣтко и вѣрно очертило участь дѣвушекъ тридцатыхъ годовъ:

Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, участь эта во многомъ измѣнилась къ лучшему. Полно, къ лучшему ли?

---

*) Эти стихи ужасны.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно написать нѣсколько томовъ. Здѣсь оно не у мѣста.

Что же вышло изъ этой идиліи, изъ этого краткаго, но полнаго созвучія двухъ душъ, одной отжившей, другой дѣтской, пробуждающейся къ жизни? По словамъ Бѣлинскаго, у поэта оно выразилось въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ исполненныхъ силы и таланта. Это—для читающей публики. Но то, что̀ страдало и томилось внутри человѣка, то осталось на вѣки съ нимъ погребено.

Въ пробуждавшейся душѣ это созвучіе породило стремленіе ко всему истинно-прекрасному и непреодолимое отвращеніе отъ всего пошлаго, въ какомъ бы видѣ оно ни появилось.

Безсмертный Мицкевичъ сказалъ, что не да́ромъ прожилъ тотъ,

Kto poznał Boga wielkego na niebie
I kohał męża wielkego na ziémi *).

Старушка изъ степи.



---

*) Кто познаdъ Бога великаго на небѣ и любилъ человѣка великаго не землѣ.

